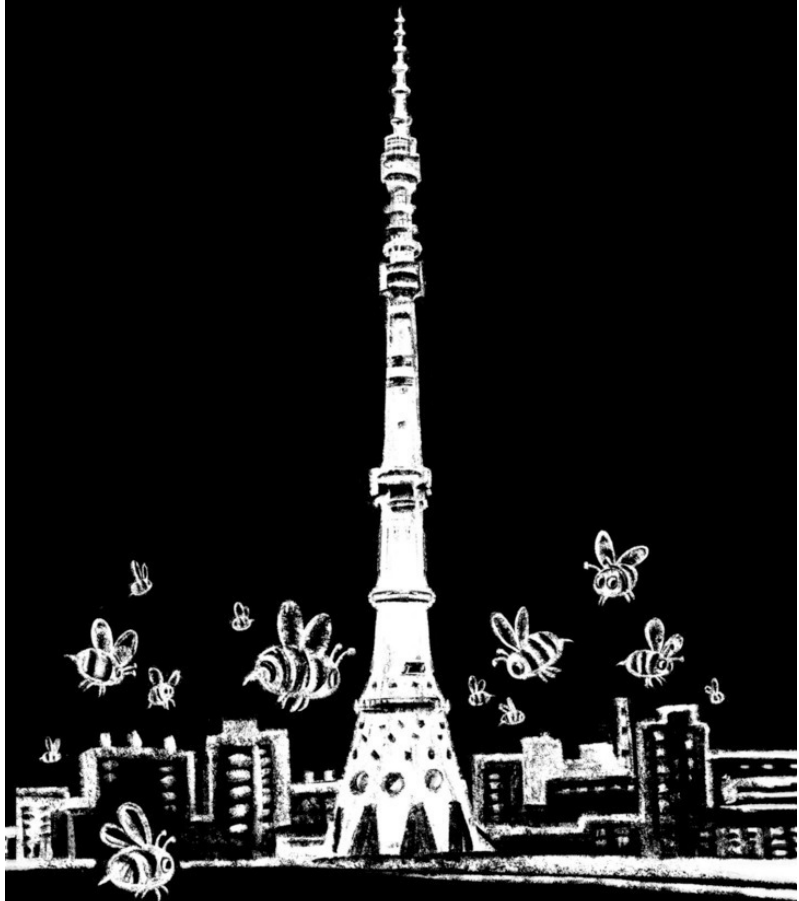

АННА АРХИПОВА

ХРОН 48 МИНУТ. НАЧАЛО

Анна Ивановна Архипова

Хрон 48 минут. Начало

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36054847

ISBN 9785449318657

Аннотация

Это рассказ о людях, которые работают на телевидении.« – Если ты когда-нибудь подашь на меня в суд, то я буду вынуждена написать про тебя книгу.– Если ты когда-нибудь напишешь про меня книгу, то я буду вынужден снова подать на тебя в суд».(с)
Народный Артист

Содержание

Идея	5
Утверждение идеи	31
Обсуждение идеи	50
Вёрстка	75
План съёмки	93
Утверждение съёмки	103
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Хрон 48 минут. Начало

Анна Ивановна Архипова

© Анна Ивановна Архипова, 2018

ISBN 978-5-4493-1865-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Андрей сидел, откинувшись, на деревянном стуле напротив открытого настежь окна, по привычке закинув ноги на подоконник. Хлопьями валил первый снег, следовательно, Садовое стояло. Был четверг. По четвергам всегда премьеры.

Из старенького приемника звучал Дога. Он закатал рукава рубашки. Поднял глаза на загоревшийся экран телефона и подтянул к себе. Фейсбук оповестил: «Вы дружите с Асей Одинцовой уже год». Андрей прислонил экран телефона к губам, улыбнулся.

– Дружите с Одинцовой... – прошептал он.

Встал, опустив ноги на холодный пол. Положил телефон в карман брюк. Хлопнул до щелчка оконной дверцей, погасил свет. Вышел из квартиры, два раза повернул ключ в замочной скважине. За дверью раздался лай Криса. Не оборачиваясь, побежал по лестнице вниз.

Идея

В прошлом году он выполнил обещание, данное еще после первой крупной роли в кино. Год назад была мерзкая, противная, дождливая осень. А за окном синего BMW потоп. Как Ной, он спасался от стихии, спрятавшись в дорогом немецком ковчеге. Но будучи Ноем-одиночкой, спасался один, отказавшись брать парных тварей на борт. Дворники на лобовом работали с магической скоростью – туда-сюда, туда-сюда.

– Бесишь! – выругался Андрей.

Он свернул на Вильгельма Пика и выдохнул: оставалось совсем немного до долгожданных слов Василия Уткина в навигаторе: «Вы приехали!» В пятницу пробка была неизбежна. Каждый раз, когда на новую, только летом положенную, плитку Москвы лил дождь, сыпался снег, – столица вставала. Хотелось бросить машину в малознакомом дворе и пойти пешком, но таких умников было больше, чем мест на парковках.

До эфира оставалось чуть меньше часа.

– Чёрт! – Андрей ударил по рулю.

Не успел дойти до предела злости из-за потери времени, как раздался телефонный звонок.

– Да! – раздражённо ответил он.

– Андрей Вячеславович, а вы где? – звонкий девчачий го-

лос вырвался из динамика и врезался в ухо.

– В пробке, – он сделал вид, что успокоился, переходя на мягкий тон. Подрезав Skoda, уперся носом авто в крыло ВАЗа. – На Вильгельма Пика. Навигатор говорит, что все перекопали опять.

– Давайте по карте посмотрю... – девушка задумчиво замурлыкала, открывая «Яндекс. Карту». – Авария на Продольном. Блин, и не сократить же... А вы в гриме?

– Нет, – ответил он и жестом показал водителю ВАЗа, что тот мог бы пропустить.

– Вы не переживайте только, – успокаивала девушка.

– Я не переживаю, – улыбнулся Андрей, – переживать вам надо... эфир не начнется вовремя.

– Значит, начнется не вовремя, – спокойно ответила звонкоголосая.

Андрей свернул на Продольный и снова встал.

– Вы на 17-й заезжайте, пропуск на вас заказан, я встречу.

Андрей положил трубку и кинул телефон на пассажирское сиденье.

Пятнадцать лет назад он получил свою первую крупную кинороль. Это была роль гопника-злодея в фильме начинающего режиссера Константина Еремеева. А наутро после премьеры актерский состав и режиссер проснулись знаменитыми. С того момента карьера актера пошла вверх, как по эскалатору в метро. Не было переходов на другие станции, не надо было мотылять по кольцевой на «России, устремленной

в будущее». Просто встал на первую ступень «Театральной» и поднимался, пока не дали «Народного артиста».

Тогда, в начале нулевых, у Андрея появился свой личный директор, персональный сайт с музыкальным оформлением, его стали приглашать на все премьеры и презентации и кормить изысканными итальянскими десертами – бесплатно! И в тот же год на федеральном канале вышла программа «Откровенное на ночь». Программа только-только набирала обороты и рекламодателей в субботнем вечернем прайм-тайме. Тогда креативным продюсером продакшена, который занимался производством программ для федеральных каналов, стал Илья Косилин. Он посмотрел фильм «И был день...» и на одной из планерок решил: «Вон того позовите на эфир, его смотреть будут». Младший редактор Казанцев позвонил Ковальчуку и пригласил на съемку нового проекта, на что Андрей, допивая очередной бокал ХО, ответил: «Перезвоните лет через 15. Я подумаю».

Тогда глаза молодого артиста слезились от собственной невъебенности, но редактор Казанцев запомнил и через 15 лет, будучи уже креативным продюсером программы, велел привести в студию Ковальчука.

Андрей долго смеялся в трубку, перелистывая блокнот с расписанием спектаклей, съемок рекламных роликов, озвучиванием сериалов и нечастыми киноролями, выбрал дату совершенно неудобную для телевизионщиков, но согласился.

И вот, спустя 15 лет, он ехал на обещанное интервью. Последние 20 минут казались вечностью. Он то вжимал педаль в пол, то резко отпускал ее, подрезал так же спешащие машины и медленно карабкался до телецентра. Свернул под мнорельсовую дорогу, подъехал к шлагбауму 17-го подъезда, у проходной приоткрыл окно, одним нажатием кнопки распахнул багажник для проверки, который тут же захлопнулся.

Ковальчук въехал на полупустую парковку телецентра и остановился почти у входа во внутренний подъезд. На крыльце с ноги на ногу от холода переминалась светловолосая девушка лет 27 с прозрачным зонтом, наполняя его сигаретным дымом. Заметив BMW, она бросила окурок в урну и спустилась на парковку. Андрей выбежал из машины и пригнулся, стараясь спрятаться под ее зонтом.

– Здравствуйте! – девушка вытянула руку вверх, чтобы зонт не бился о голову высокого артиста.

– Приветствую, Ася.

Они направились к прозрачным дверям «Останкино».

– Холодно? – спросил он.

– Что? – переспросила, подняв голову.

– Шапка, – указал он глазами на ее черный головной убор, натянутый по самые глаза.

– Голова грязная. Снимаем третий день, – ответила Ася и пропустила гостя в здание первым, захлопывая на ходу зонт.

Андрей стремительно пошел по длинному пустому коридору.

дору в сторону центральных лифтов.

– Не туда, – Ася заставила артиста повернуться и посмотреть вниз.

– К лифтам же?

Он остановился и стряхнул с рукавов пальто капли дождя.

– По лестнице... нам во вторую студию.

Она повернула артиста за руку в обратную сторону.

– Простите, спешу. Не хочется задерживать съемку, – потерялся Андрей и последовал за телевизионным редактором.

– Хороший, хороший артист.

Ася пропустила Андрея в стеклянные двери и указала на лестницу.

– Простите, а курить у вас где можно?

Он остановился посреди прохода, пропуская сбегающих вниз администраторов.

– Нигде. «Останкино» больше не курит.

Ася посмотрела на циферблат часов на мобильном. Она начинала злиться на и так опоздавшего артиста.

– Невыносимо, – выдохнул он и последовал выше.

На телефон пришло сообщение от шеф-редактора: «15 минут до эфира. Казанцев в пробке».

– Но есть одно место, – добавила она.

– Вы меня туда отведете?

Он тут же остановился, преградив проход на площадке.

– Не так громко, Андрей Вячеславович, это же секрет.

Они на лифте поднялись на 9-й этаж, прошли вдоль пу-

стого коридора, поднялись на два этажа вверх и, к удивлению Андрея, оказались на 13-м.

– Вопрос! Мы вышли на 9-м, а поднялись на 13-й, все верно?

– А вы верите в то, что показывают по телевизору?

– Иногда...

– Ну, значит, все верно.

Они шли по бесконечно длинному коридору, как все коридоры в телецентре. Ася открыла ключом дверь одного из кабинетов и запустила туда Андрея. Он прошел в темноту.

– Ваш кабинет?

– Это мой дом. Тут моя жизнь.

Девушка, не включая свет, дотронулась до компьютерной мышки, и экран загорелся. В кабинете стало светлее, и можно было разглядеть четыре рабочих места. Ася открыла окно настежь.

– Да тут вся Москва.

Перед Андреем открылась панорама вечернего города, омываемого ливнем, а внизу – покрывало из автомобильных пробок красно-белого цвета.

– Не вся. Здесь только в сторону центра.

Андрей подкурил сигарету и глубоко вдохнул.

– Мы опаздываем? – спросил он, наслаждаясь видом.

– Мы опоздали, – ответила Ася, хватаясь за крючки ответственного человека. – За это вы мне должны! – улыбнулась она, стоя за спиной черного образа.

– Я вам должен?! – обернулся он, но остался тем же черным образом.

– Услуга за услугу!

Экран погас, и стало совсем темно.

– Я вам дала возможность выдохнуть, а вы сделайте, пожалуйста, чтобы я смогла дышать... в аппаратной. Не молчите в студии, когда ведущие задают странные вопросы.

– Хм, – он затушил сигарету. – Ну вот и договорились.

Они вышли из кабинета и тем же путем отправились в студию.

– Скажите, Андрей Вячеславович, за что вас любят поклонницы? – пыталась она разговорить актера до эфира.

– А вы меня любите? – улыбнулся он коронной в 32 белоснежных.

– А-а-а... – задумалась Ася («только бы не сказать что-то лишнее», – прошептал диктор в ее голове). – Я вас работаю.

Она на мгновение замерла.

– А теперь нам пора в студию!

– Одинцова! – недовольный крик продюсера ударил через гарнитуру рации в ухо, так что пришлось вытащить наушник. – Где Ковальчук?

– Веду в студию! – ответила она в рацию. – Три минуты.

– В гриме? – продолжал рычать Казанцев.

– Почти.

Она ускорила шаг.

– Что почти? – раздалось эхом в ухе.

– Почти в гримерке для грима, – ответила Ася и затолкала Андрея в гримерку с надписью «Откровенное на ночь». – Девочки, минута.

Гример Люся тут же замахала кистью по гладко выбрито-му лицу артиста. Ася дождалась, когда кисть на лице Андрея стала работать медленнее, и потащила героя во вторую студию.

– Звук на исходную! – крикнула она в рацию.

К артисту тут же подбежал взъерошенный сонный парень и прикрепил петличку¹ к брюкам, протянув шнур до ворота рубашки.

Андрей сел в кресло перед ведущими, позади него кто-то копошился со светом и тенями, на студийных экранах мелькали фрагменты из фильмов с его главными ролями, кто-то шептался за камерами, ведущие обсуждали галстуки. Андрей замер. Он осмотрел пространство, не обращая внимания на лишние звуки в голове. Сосредоточился. Он был готов.

– Камеры! – крикнул режиссер. – Три, два, один... Мотор. Поехали!

– Добрый вечер, дорогие зрители, сегодня в студии нашей программы «Откровенное на ночь» артист, которого мы ждали 15 лет, – повторил за сценаристом в ухе один из ведущих.

– Да, это известная история, которую знает весь теле-

¹ Радиомикрофон

центр «Останкино». Мы ждали вас всей страной, – поддержал улыбкой второй.

– Добрый вечер, – махнул головой Андрей и улыбнулся в камеру по левую руку от себя. – Я обещал. Я здесь.

Ася вошла в аппаратную. Перед шестью экранами сидел режиссер Степа Троцкий, по правую руку стоял креативный продюсер Казанцев, за спиной режиссера с микрофоном сидел сценарист и надиктовывал вопросы в уши ведущим.

Ася наклонилась над режиссером и поцеловала в темечко.

– Давай 48 минут, чтобы на монтаже ничего не резать!

– Боюсь, дедушки не справятся, они тут текст уже третий раз переговаривают, – улыбнулся Степа, не отвлекаясь от экранов с разными планами камер. – Вторая, не режь головы, можешь нормально снимать, оставь воздух. Пятая, я что тебе говорил, крупно глаза можешь поставить и не трогать ничего! Мне нужна крупность героя!

– Ась, – коснулся плеча Казанцев, – он как?

– Нормальный. Правда, ты же понимаешь, что не будет «фарша».

– Значит, плохо подготовила героя, – отрезал продюсер.

Ася была готова ответить, но промолчала. Секунду промолчала и продолжила.

– Это надо делать по-другому, Саш.

Она присела на стул рядом со сценаристом, который разговаривал с ведущими через их головы. Вот так, наверное, должен выглядеть диктор в головах каждого. Маленький, то-

щий и с бумажками в руках, думалось Асе. – Про него бы документалку бахнуть. Это, мне кажется, бомбанет, а ваше кино и театр никому не нужны в прайм-тайм.

– 15 лет назад он бы согласился... – выдохнул Саша и посмотрел на экраны. – Степ, можешь попросить пятую крупнее взять?

– Пятая, я тебе сейчас ноги вырву! Можешь крупность взять и замереть?! – крикнул в микрофон Степа.

– Но не согласился, – напомнила она Казанцеву, как он 15 лет назад не подготовил героя. – А сейчас...

– А сейчас сделай, чтобы согласился, – бросил надменный взгляд на Асю и криво улыбнулся.

– Я не всесильна, – развела руками редактор, – я поседела, пока сюда его привела! Сначала у него нет времени, потом «ой, простите, съемки», «ой, не успеваю, а давайте завтра», а у нас студия разобрана, а потом он выключил телефон и пропал на два дня и только спустя месяц сказал: «Ну я же обещал»! Я его сжечь хотела, когда он сказал: «Ну давайте в пятницу», – я ему: «У нас эфир в субботу», – а он мне: «Ну вы же профессионалы, что, за ночь не смонтируете?»

– Я обещаю, что наша Люся будет красить твои вечно непрокрашенные корни до конца твоих рабочих дней в «Останкино», – не поведя бровью пообещал продюсер.

– Врешь же. Люся не вечная вообще-то, она еще Шатилову красила, а я только жить начинаю, – старалась уйти от работы Ася.

– Ладно, не можешь, не надо, девочек попрошу, – махнул рукой шеф и вышел из аппаратной.

– У вас остается время на личную жизнь? – услышала она за спиной вопрос сценариста.

– У меня нет времени даже на то, чтобы сходить в туалет, Валечка.

Она встала со стула, оперлась о стену локтем и продолжила следить за съемкой.

Вот уже пять лет она работала в «Откровенное на ночь». До этого два года трудилась на криминальном канале в скандальном ток-шоу, потом взяла отпуск, устав от рыдающих матерей и трупов. Напилась и, опустив ноги в Черное море, сообщила шеф-редактору: «Горите в огне, а я увольняюсь». А потом по какой-то великой счастливой случайности попала в спокойную программу про искусство, театр и кино федерального канала. Телевизионные редакторы мечтают о такой работе, чтобы никакой личной желтухи, чернухи и бесполезного трепса. Начинала она с ассистента режиссера потом была корреспондентом, остановилась на редакторе и застыла. Дальше карьера не двигалась уже два года. Каждые две недели на съемочных пулах Ася вставала в аппаратной за спиной режиссера и следила, чтобы ее программы были самыми интересными (так казалось ей), но программы каждого из четырех работающих на проекте редакторов ничем не отличались – актеры, певцы, цирковые артисты, политики, юмористы... Весь первый эшелон «звездности» прошел

через руки редакторов за 15 лет существования «Откровенного». А потом все те же звезды пошли по второму кругу, потому что звезды не редакторы, их много не бывает.

Ася любила наблюдать за ведущими. Она знала их движения наперед – вот сейчас Герман Павлович поправит манжет, коснется наручных часов указательным пальцем и задумается. Это была его фирменная задумчивость, как будто он впадал в секундный транс. В этот момент Максим Яковлевич подхватит его мысль и продолжит диалог с гостем. Дальше они все рассмеются, ну забавно ведь, а герой программы в этот момент расслабится и выдохнет. И вот он готов к откровенному разговору на ночь.

– Час двадцать, Ась! – обернулся Степа, объявив: «Стоп! Снято!» – Идем на рекорд.

– Ну это не три часа, уже радуется.

Она погладила его по плечу.

– Когда-нибудь мы впишемся в хрон.

Ася выбежала из студии, на ходу натягивая пальто и укутываясь в шарф, спустилась на первый этаж по лестнице со стороны «маленьких» лифтов и забежала в ASAP².

– Мне чаечек вкусенький, – улыбнулась она уставшему официанту, – с собой.

– Ась, монорельс ушел, – он указал пальцем на последний уходящий поезд.

– Значит на машине, – она села за барную стойку и скре-

² Кафе в телецентре у входа в 17 подъезд.

стила руки на коленях.

– С чабрецом или бергамотом?

– Бергамотом. Хочу, чтобы так звали моего мужа, – улыбнулась она.

– Ася, – раздалось за спиной, и она дернулась, – а выходить как?

– Как заходили, так и... – она обернулась и прикусила язык. – Вы не можете выйти?

Она стянула шапку с головы и запихнула ее в большую сумку, висевшую на руке.

– Вы не проводите? – он улыбнулся и поправил шарф, застегивая пуговицы длинного черного пальто.

– Провожу.

Ася схватила чай со стойки и поспешила проводить гостя.

– Только с одним условием!

– Я опять вам что-то должен? – выдохнул Андрей и на секунду остановился у турникетов на выход.

– Конечно! Из-за вашего поздней съемки я опоздала на монорельс. Не довезете до Тимирязевской? Тут недалеко. Нам по пути.

Девушка махнула охраннику головой, что Ковальчук с ней и его можно выпускать.

– С чего вы взяли, что нам по пути?

Андрей обогнал Асю и открыл перед ней дверь. Его удивляла наглость этой девушки, но вместо того чтобы разозлиться, он улыбнулся.

– Я редактор, Андрей Вячеславович, не забывайте.

Они вышли на улицу, и Ася вдохнула холодный осенний воздух полной грудью.

– Давно не была на улице, – сказала она, спускаясь по лестнице.

– В смысле?

– Все время работаю, работаю, а с таким графиком забываешь, что бывают такие чудные ночи.

Она остановилась и посмотрела на Останкинскую башню. Дождь уже закончился, и можно было рассмотреть Великую и Ужасную, но всегда прекрасную антенну.

– Горит, – прошептал Андрей.

– Мне кажется, ей пора уже на покой.

Ася посмотрела на экран телефона, куда пришло два сообщения от Казанцева.

– Что вы имеете в виду?

– Ну, это, знаете, как цирк, что ли, – она параллельно отвечала на смс. – Раньше он был великим, а потом ушел в закат. Так же с телевидением, на смену придет интернет. Не сейчас, конечно, но...

– Не согласен с вами. Ведь цирк существует.

– Вы часто ходите в цирк? – она отвлеклась от телефона.

– Раньше, когда жил в Брянске, часто ходил, сейчас нет времени.

– Ну просто в Брянске больше некуда ходить, вот и остается цирк. Так же и с телевидением, в регионах оно не уйдет.

А вот в Москве...

– А вы меряете Россию Москвой?

Они уже подошли к автомобилю.

– Нет, ни в коем случае, просто наступает новая эра. Мамонты вымирают, на их место приходят слоны.

– Присаживайтесь, Ася.

Он открыл перед ней пассажирскую дверь.

Ася, как жевательная резинка, прилипла к зубам так, что невозможно было с ней даже поспорить. Резкая, прямая, мятная. Такие, как она, обычно раздражали Андрея, но сейчас ему нравилось. Ему понравилось, как она села в его автомобиль, как позволила закрыть за собой дверь, как и с какой легкостью взяла ремень безопасности и защелкнула его, случайно коснувшись его руки, когда он защелкнул свой ремень.

– Какой адрес? – спросил Андрей, запуская навигатор.

– Яблочкова, 17.

Ася достала из огромной сумки пачку сигарет и, не спрашивая разрешения, закурила.

– Мне совершенно не понравилось на вашей программе.

Он вывернул руль и выехал с парковки через шлагбаум.

– Почему? – удивленно спросила Ася, не глядя в его сторону.

– Все как у всех. Одни и те же вопросы, одни и те же смешки и шуточки. Ничего нового. Мне кажется, вас, журналистов, штампуют на какой-то фабрике. И вроде бы ведущие

с именем, а ничуть не отличаются от тех, кто только выходит из институтов.

Машина остановилась на светофоре, и на лобовое снова стало капать.

– А может, дело не в журналистах? – осмелилась Ася.

– Звучит как вызов. Но что же со мной тогда не так? – он улыбнулся и прикусил губу от такого же профессионального плевок, какой он позволил себе в адрес журналиста.

– Когда в последний раз вы играли роль, которой гордитесь? – выпалила она.

– Три года назад вышел «Капитан», я играл Беринга, – ничуть не смутившись, ответил Андрей.

– Вы действительно гордитесь этой ролью? – возмутилась она. – Вы играли человека, который шел, ехал, шел, плыл, снова ехал, и в итоге что? А, простите, там он еще женился и потом сказал, что задание не выполнено, потому что азиатское и североамериканское побережья не соединяются. Ну и в честь него назвали пролив. А где же драма? Вы там ни разу не заплакали! Где гениальная игра артистов? Да там и состав был середнячковый. И вообще, вы видели кадры с квадрокоптера, там же все так дешево, как будто снимали на телефон.

Ася выбросила окурок и закрыла окно.

– Постойте, Ася, вы сейчас говорите о Витусе Беринге, об офицере русского флота, о капитане первого ранга, о человеке, который в 1729 году обогнул Камчатку... Кто же

в вашем представлении герой, если не этот человек?

– Я сейчас не о героях! Я не говорю, что Беринг был лузером, он просто не запомнился. Режиссер даже не подумал о том, чтобы Беринг в его фильме стал «Бэтменом». Он не добился результата, а вы, тем самым, не доиграли!

– Ася, вы ходите по краю... – Андрей остановил машину у остановки на Ботанической и включил аварийку.

– Да я хочу сказать, что это не та роль, которой можно гордиться. Я помню, как вы играли футболиста в... как его...

– «Удар», – напомнил Андрей.

– Вот это роль так роль. Там вы и страдали, и плакали, и проживали, но это было раньше, лет десять назад. Я тогда еще школьницей была. А потом что?.. Потом пустота... У вас нет хороших ролей, поэтому журналистам не о чем с вами разговаривать.

– То есть вы считаете, что со мной не о чем разговаривать? – он повернулся к ней лицом и округлил глаза.

– Давно не о чем. Я когда готовилась к этой съемке, не нашла ни один нормальный документальный фильм о вас, ни одного нормального интервью в журналах!

– Интервью – не часть моей работы! Я никому не обязан что-то рассказывать! – он начинал заводиться. – И какую же роль, по вашему мнению, я должен сыграть, чтобы она показала вам, журналистам, гениальной?!

– Нам, журналистам? – задумалась Ася. – Нам, журналистам, понравится, если вы сыграете самого себя.

В машине стало так тихо, что Ася слышала, как клацают аварийки.

– Это не роль! – возмутился артист.

– Но тогда мне будет о чем с вами разговаривать! – уколола она его шпагой Боярского ниже пояса.

– Это все ваши провокации, – дернулся он.

– Я просто предлагаю, – уже тише и спокойнее ответила Ася, понимая, что еще чуть-чуть, и он скажет «да».

– Вы ничего интересного предложить не можете! Ася! Вы, журналисты!

– Не обобщайте, Андрей Вячеславович. Я еще не предлагала, – подмигнула она.

Андрей дернулся всем телом, выключил аварийки, вывернул на дорогу.

«Через 200 метров поверните налево, под мост», – предупредил навигатор-Уткин.

– Хорошо, – выдохнул разозлившийся Ковальчук, – я согласился дать вам интервью.

– Сняться в моем фильме? – уточнила она.

– Ха! В вашем фильме? У вас неплохая самооценка, – расхохотался он.

– Я не претендую на звание режиссера, я – автор, – оправдалась Ася и замерла: почти-почти-почти...

– И что же вы мне предложите?

– Сыграть себя. Но вы не рискнете... вы же никогда этого не делали, – она бросила клубок шерстяных ниток артисту

и ждала, когда он потянет за веревочку и она сможет позволить себе завязать эту историю в целый шарф. – Вы скрываетесь от прессы, они назло под вас копают. Конечно же, вы не рискнете.

Внутри Аси все замерло, сейчас бы она и не обратила внимание на ваварийку, сосредоточилась... не рискнуть – значит отказаться от шампанского.

– Почему же... – Андрей остановился у дома Аси. – Мы приехали.

– То есть вы согласны? – продолжала подкидывать клубок ниток Ася, только бы он остался у героя.

– Нужна идея. Будет идея, буду думать. Но это нереально, – усмехнулся он.

– Я позвоню, – Ася открыла дверь и за мгновение до хлопка дверцы, сказала: – Благодарю, что не отказали.

И все-таки оставила клубок шерстяных в машине и в голове народного артиста.

Ася подошла к подъезду, за голубую ленточку-опознаватель вместо брелока вытащила из сумки – черной дыры – ключи, вошла в подъезд. Дверь со скрипом затворилась. Ася села на ступеньку и на секунду отключилась от всего. Она смотрела на ярко-зеленую дверь многоэтажного дома, ведущую на улицу, и ждала, что сейчас она откроется, из нее выскочит клоун Пеннивайз и скажет: «Сюрприз! Все артисты врут!» Она не могла поверить, что Андрей Ковальчук, чело-

век, доступ к которому был только у новостей, и то исключительно доброй тематики, ну, когда у кого-то был юбилей либо кто-то умирал, сейчас практически согласился на программу в ее подшефстве. Ей хотелось набрать продюсера, но как будто здравый смысл внутреннего диктора дернул за рукав пальто и громко сказал: «Не смей! Он артист, он обязательно сольется».

– Точно, – озвучила вслух и испугалась своего голоса. – Спать, – прошептала Ася, протянула руку к перилам, помогая себе встать, и поплелась на 7-й этаж. Пешком. Почему пешком? Потому что не могла попасть в спортзал уже второй месяц. Работу работала.

Она вошла в темную душную квартиру и на ощупь нашла ладонью выключатель. Зажмурилась от яркого света, простояла несколько секунд с закрытыми глазами, а открыв их, отшатнулась от порога.

– С ума сошла так пугать! – крикнула Ася.

– Прости, свет – это не мое.

Девушка в пижаме-зебре и с гулькой на голове развернулась и пошла в свою комнату.

– Ты на время смотрела? Уже двенадцать, а ты не спишь. Твое время вышло.

– Мое время неизбежно, оно утекает сквозь пальцы.

Девушка спряталась в темной комнате, и слышно было, как тело зебры рухнуло на кровать.

– Начинается...

Ася присела на пуфик в прихожей и, стаскивая ботинки, спросила:

– У тебя полетела винда? Что может еще случиться у ай-тишника, отчего он впадает в беспросветную квартирную тьму?

– Мне дали дописать пару строчек программы, а я решила сделать рефакторинг и переписала несколько кодов и подтянула парочку библиотек. Ковальский стал требовать выполнения задач по разработке без какого-либо творчества, – донеслось из спальни.

– Творчества? – удивилась Ася.

Она подошла к комнате соседки и оперлась о дверной косяк.

– Короче, они дважды пытались доработать программу, но я где-то налажала. Где пока не поняла. В итоге Ковальский сказал, что я на грани. Я такая дура!

Девушка закрылась одеялом с головой.

– Вообще ничего не поняла.

Ася присела на край кровати подруги.

– Ася! – всхлипнула та из-под одеяла.

– Ну прости, Женька. Вот это как?

– Это как если бы у тебя горел ноутбук, на жестком диске было самое важное интервью твоей жизни, а тебя держали под руки два сотрудника Росгвардии и били шокерами за каждую попытку подойти к компу.

– Плохо, конечно, – выдохнула Ася. – Очень плохо.

А можно как-то повлиять на это?

– Если у Ковальского сломается жизнь и он попросит написать к ней код, только это будет моим спасением, – Женя выглянула из-под одеяла. – Сняла?

– Сняла. Скукотища смертная. Теперь одна надежда на рейтинг.

Ася легла в ноги к подруге и уставилась в потолок.

– Ваш рейтинг – лажа, там даже не видно, кто посмотрел. Если бы вы в ютубе выходили, вот это я понимаю, все по-честному.

– Напиши это на айпаде и выйди на митинг к 17-му подъезду. Дудя возьми еще с собой, может, и спасете российское телевидение, – съязвила Ася.

– Кто следующий?

Женя села поудобнее, чтобы видеть подругу.

– Мне страшно пока об этом говорить...

– Никто? Опять не будешь спать неделю и искать героя?

– Нет, все сложнее.

Ася встала, включила в комнате свет, повернулась к Жене лицом и замерла.

– Короче. Сейчас меня довозил до дома Ковальчук.

Она пристально посмотрела на подругу.

– Это кто?

– Женя!!! Это тот, на чей фильм мы ходили летом.

– Режиссер?

– Актер он. Народный артист России. Снялся в более чем

40 картинках. Преподавал во МХАТе, снимается в кассовых фильмах, озвучивает сериалы и мультфильмы. На билбордах висит по всей Москве.

– А кого играл хоть?

– Отца главного героя играл... в рекламе телефонов снимается.

– Оу, это который такой старый? – скривилась Женя.

– Ему всего 43. Не старый, Жень.

Ася размахивала руками, чтобы объяснить подруге, что артист очень-очень-очень важный в этой огромной стране.

– Ну хорошо, это я поняла. Он в ваших узких кружках известный или типа совсем крутой?

– Жень, его обожают все!

– Не знаю про ваших всех. Ну и что, подвез он тебя? – торопила девушка, обнявши подушку и подложив ее под голову.

– Короче! Боюсь, что сольется, но он не против документалки со мной. Ну, в смысле я снимаю – он снимается.

– М-м, это как?

– Ну это как если бы Ковальский предложил тебе разработать серию программ, в которых только ты придумываешь коды.

– Неплохо, конечно. И что, это нравится людям? – удивилась Женя.

– А мы работаем на аудиторию Ковальчука! Эти женщины писают кипятком от его не всегда выбритой физиономии.

И это понравится моему продюсеру. Саша сегодня сказал, что, мол, я не смогу уговорить Ковальчука на интервью. Ага! Конечно не смогу! – завелась Ася.

– Ты уверена, да, что он согласился? – переспросила Женья.

– Нет. В том-то и дело. Он вроде бы не сказал «да», но и «нет» он не сказал.

Ася подошла к выключателю и погасила свет.

– Наверное, мне надо поспать, да?

– Да пора бы уже. И дверь прикрой.

– Знаешь, что мне кажется... – она остановилась в дверях, – для работы на телевидении все-таки нужен мозг. Очень нужен мозг.

– Я тебе больше скажу, – услышался голос Жени, – спиной! Тебе же надо на чем-то сидеть!

Ася улыбнулась, закрыла дверь в комнату подруги и прошла в темноте до своей. Скинула одежду на пол и улеглась на неразобранную кровать. Уже четвертый год они с Женькой жили в этой квартире, сняли ее по знакомству без комиссии. За все время хозяйка так и не подняла квартплату, считала только по счетчикам, а счетчики дорожали каждый квартал. Потом хозяйка умерла, и ее муж стал все чаще наведываться в квартиру проверять, что там да как. Чаше Петр Михайлович приезжал, когда Ася работала, поэтому ее это мало волновало.

С Женькой Ася познакомилась, когда они учились в Тю-

мени в университете. Женя на физмате, а Ася на филфаке. И только три года спустя, когда обе переехали в Москву, судьба свела их на вечеринке общих знакомых. И распив бутылку чего-то крепкого и цветного, они решили, что вместе веселее. Так и жили. Женя работала в крупной технологической компании, Ася – в крупной продюсерской компании, производящей тв. проекты для центральных каналов.

Ася прикрыла глаза и вспомнила, как волновалась до приезда Ковальчука на программу. Она каждый раз испытывала одинаковое волнение, когда ждала героев, и каждый раз это волнение проходило, когда герой садился на стул перед ведущими. Ася поджала пальчики ног, а потом отпустила, чтобы расслабиться. Ей хотелось спать, но в голове не прекращали жужжать как пчелы слова, услышанные за день: «Камера! Мотор!», «Я опаздываю», «Письмо на почте», «Утверди этот чертов сценарий», «Я седая уже с вашим телевидением», «Не можешь, не надо, девочек попрошу». Это все врезалось в голову и летело дальше в сон. Нет, она не может позволить кому-то другому сделать эту документалку! Да и почему она должна была кому-то что-то отдавать?!

Главным ее конкурентом среди четырех редакторов была Марго. Редактор она была не просто непредсказуемый. Иногда ее решения доходили до абсурда. Маргарита уже два года как метила на место шеф-редактора проекта, и каждый раз, когда ныне действующий шеф уходила на больничный на два дня, она тут же давала знать, что существует и что

очень хочет что-то поснимать. Обязательно сложное, обязательно звездное, обязательно так, чтобы все обзавидовались. Только вот рейтинга это никогда не давало. На этом Марго и проседала.

Ася так давно не засыпала в своей кровати. До этого съёмочный пул и две ночи в монтажке на диванчике в АСК-3³, а до этого она ночевала у своего бывшего парня Миши, который вроде бы как бы не бывший, но это даже не отношения, и как бы... ну вы понимаете. В общем, последние три ночи она просто хотела домой. Ася улыбалась сквозь сон. Перед глазами стоял образ Ковальчука, который дает ей самый высокий рейтинг в истории телевидения – доля в 60 по стране ее бы устроил. И пусть смотреть ее фильм будут только Владивосток и Камчатка, но это будут ее зрители.

Перед глазами проплыл анонс документального фильма: «Откровенно – Андрей Ковальчук». И ведущий за кадром: «Самый популярный артист России даст самое откровенное интервью в своей жизни!»

– Мне нравится, – прошептала она, вытащила одеяло из-под себя, натянула его на голову и провалилась в сон.

³ Аппаратно-студийный комплекс 3 телецентра «Останкино».

Утверждение идеи

Пробравшись через толпу массовки в 17-ом подъезде, Ася прошла к турникетам в первый КПП. Пропуск застрял между паспортом и кошельком, пришлось выковыривать. Она не любила проходить через 17-й, но к монорельсу это был ближайший подъезд. Жизнь актеров массовых сцен всегда удивляла Асю. Эти люди, здоровые, полные сил и энергии (обычно мужчины), могли сидеть по несколько дней съемочного пула и раздавать аплодисменты героям всех студийных программ на телевидении. «А могли бы заняться делом». Но так думала Ася. А Ася не могла усидеть на месте и часа, не говоря уже о целом съемочном 12-часовом, а то и 15-часовом дне.

Эти люди спешили посмотреть на Урганта или Якубовича, но чаще на Елену Малышеву. На Малышевой всегда было больше всего массовки. Хотя, может быть, потому, что у нее в команде был невероятно красивый администратор? Ася, когда видела Диму, всегда улыбалась сильнее, порой так что скулы сводило от улыбки, но ни разу не была замечена.

Проскользнув по улице мимо дорогих машин на парковке, девушка влетела в телецентр и тут же упала в руки Кузнецова. Лешка был из тех шеф-редакторов, кого можно было отправлять хоть на край света, и он бы попросил еще одну такую же командировку и можно на подольше. «В дерев-

ню, к тетке, в глушь, в Саратов» – это была его тема. Лешу можно было увидеть чаще в криминальных хрониках с энтузиазмом зачитывающим стендап⁴, чем в офисе обзванивающим героев, для него это была рутина рутин. Под рутинной он предполагал обзвон героев, написание сценария и придумывание ТЗ для корреспондента. Это все было не про Лешу. Леша был монстр эфиров!

Они познакомились на ток-шоу. Ася помнила день их знакомства как сейчас и никак не могла забыть, а очень хотела. Она, тогда еще молодая и устремленная, только-только пришла работать на шоу. Скромно присела за свободный компьютер и стала обзванивать отделения полиции, чтобы нарыть хоть какую-то новость, а Леша сидел напротив и обзванивал морги, ему казалось, там найти историю для программы гораздо проще. Около месяца Леша орал на нее и подкидывал книги по НЛП на стол, чтобы Ася зашевелилась и наконец начала работать. Для Леша работать – это было когда без сна и отдыха, пока ноги не откажут от стресса. Через два года Ася ушла из программы.

Леша пытался образумить возвращенного редактора, на что она ответила: «Я же все равно рано или поздно уйду». Шеф-редактор осознал, принял, даже простил. После ухода Ася выдохнула и еще долго задавала себе вопрос, почему не ушла раньше.

⁴ Стендап – вербальный репортерский прием, когда журналист работает непосредственно в кадре.

Лешка кайфовал от постоянных командировок. Ему нравилось снимать тех, кто страдает и плачет. Он любил за ночными посиделками в «Гурмане»⁵ рассказывать, что последнее интервью с чуваком, который вырезал всю семью и ушел в секту, это его рук дело. И что доля рейтинга по стране была огромна. Но все знали, что огромная цифра не перескочила их программы, и выдыхали.

– Какие сутки без сна? – поймал он Асю в большущие руки на проходной.

– Первые пошли, Кузнецов! Я тут... шла на работу, – загнулась она. – Ты в командировку?

– В Сирию. Хочешь со мной?

– Я бы... нет... спасибо! – растерялась Ася. – У меня все хорошо.

– Да закроют вас скоро, будете раз в месяц в повторах выходить, – язвил он.

– По голове себе постучи! – отреагировала она, легонько коснувшись не раз уже битой макушки.

– Да стучи не стучи, к тому все идет. У вас рейтинги как у «Голых и смешных».

– Мы людей не раздеваем, мы их раскрываем.

– Плохо раскрываете. Вам бы чернухи, что ли, добавить, – предложил Кузнецов. – Я тут недавно снял крутой сюжет...

– Да тошнит уже от вашей чернухи, – перебила она, зная наперед все его истории. – Хочется делать что-то достойное,

⁵ Кафе в телецентре у центральных лифтов.

что-то, что вернет телевидение, а не утопит его в слезах Волочковой.

– Ты еще Союз вспомни, когда дикторы «Вестей» надевали костюм полностью, боясь, что брюки из-под стола видно будет.

– Еретик! Побойся того, чье имя нельзя произносить!

Девушка обняла Лешу и поспешила дальше по коридору, только бы не задерживаться в проходе за «бла-бла-бла».

– Жди меня, – крикнул вслед Кузнецов.

– Программа есть такая, Леш.

Ася помахала и свернула к ASAP. Села на край стула у барной стойки.

– Я вчера за чай не отдала, – протянула она деньги.

– Помню, твоего мужа будут звать Бергамот, – улыбнулся бармен.

– А сейчас можно кофе, и покрепче, и сиропчик какой-нибудь бахни туда для настроения. – не дослушала она.

Молодой и шустрый официант схватил деньги и тут же в танце кинул их в кассу. Включил кофе-машину, поставил стакан, раздался треск, и следом пошел аромат горького жидкого зелья.

– Ась, мы в «Гурмане», разговор есть, – услышала она за спиной и тут же обернулась. Это были Марго и Вера – редакторы «Откровенное на ночь».

– Пять сек, – махнула им Ася через толпу кофепивцев у бара.

– Неважно выглядишь, – заметил бармен.

– Утро начинается... начинается утро... – прошептала она, чтобы не выругаться.

– Не спала? Может...

– А может, ты мне кофе сделаешь? – торопила Ася сердобольного бармена.

– Варю.

Он отошел от стойки и обратился к другим ранним редакторам.

Хотя рано-то и не было. Останкинские часы показывали час дня. По идее, это уже глубокий обед для нормального человека, но раннее утро для телевизионного редактора. Ася достала из кармана телефон и проверила почту. На экране светились три непрочитанных сообщения: от пиарщиков – что-то про новых артистов, от директора площадки – что-то про новый график съемок. От продюсера – что-то... «Зайди», – писал Казанцев.

– Зайду, – ответила она вслух, захватила кофе со стойки и пошла по длинному останкинскому коридору в сторону «больших» лифтов, чтобы свернуть к «Гурману».

На красных диванах кафе сидели два редактора, которых видеть она уже не могла, и не хотела, и не желала. Но пути телецентра были неисповедимы и вели туда, где пахнет кофе и новостями.

– Опять вы, – протянула она и прыгнула на диван.

– Мы тоже рады тебя видеть, – ответила Вера.

Вера работала на «ОН» около года. Ей было 37 лет, и она совсем не парилась по поводу того, из-за чего парятся 90% незамужних редакторов. Ей было пофиг, будут у нее дети или муж или вообще какая-либо семья. Периодически Вера красила голову в розовый цвет или выбривала виски. Пару раз была замечена в связи с монтажером Настей, но это старались не замечать, ведь работала она получше любых натуралов. Имея шикарное прошлое тележурналиста, она прошла огонь и воду и еще раз огонь и воду. Получив образование хирурга, пришла работать на телевидение совершенно случайно, по знакомству, так там и осталась. Сначала был «Взгляд», потом «Гордон», а далее как по накатанной по всем телепроектам, на которых приходилось жить. Когда коллеги спрашивали у Веры: «Зачем тебе все это?» – она отвечала: «Зато я животы людям не режу». Она бралась за самые сложные звездные истории, где можно было раскрутить героя на «да чтобы моя жена сдохла от зависти», «я никогда не любил музыку, пел, потому что паспорт отобрали», «мой продюсер приставал ко мне, но это не Вайнштейн».

– У вас ночные тусовки с пятницы на субботу? – попыталась подбодрить коллег Ася, но получилось плохо.

– Я так хочу выходной... – протянула Марго и легла головой на стол.

– Уже устала. Всего лишь четыре пула без отдыха, – кольнула Ася.

Вера глотнула свой разбавленный молоком кофе и осмот-

рела стены «Гурмана».

– Раньше здесь все по-другому было. Мы когда-то тут ночами пропадали... – задумчиво произнесла она, вспомнив, как нынешний «Гурман» был «Максом» и раньше тут был самый вкусный виски с колой. Самый вкусный не потому, что особенный, а потому что было невероятно круто жить в «Останкино». Тут можно было и спать, и принимать душ, и тусить с друзьями, потому что со временем круг друзей сужался до тех, с кем приходилось работать. А главное, раньше работалось гораздо легче. Ностальгия.

Марго промолчала, прикусив острый язычок. Она не раз вступала в конфликт с Асей, но каждый раз проигрывала, не находя аргументов, даже несмотря на то, что Ася была совсем, ну совсем неконфликтной. Ее просто не волновали истерики. Она не любила женщин. Ее ужасно раздражал бабский балаган. Она всегда держалась особняком, поближе к мужчинам, чтобы однажды не проснуться и не понять, что ты так же, как и все, обсуждаешь юбки с «Ла Моды», или новое платье Собчак, или, господи-боже-мой, инстаграм Бузовой. Нет, Асе ближе были новые объективы на камеру, монтажные программы и история России советского периода. Но в коллективе мало кто мог поддержать разговор, поэтому приходилось чаще молчать и работать. Впрочем, так и работать было проще, не надо было отвлекаться на лишний треп.

– Марька в декрет уходит, – вырвалось наконец из Мар-

гариты.

– Ну, то, что она не булочками живот наела, было понятно сразу, – отреагировала Ася.

– Я не о том! Она сказала Казанцеву, что пойдет в декрет. Ася напряглась, задумалась, сделала глоток кофе. Потом провела пальцем по краю стола и снова посмотрела на Марго.

– И что, ты решила стать шеф-редактором?

Марьяна была шеф-редактором программы семь лет. Именно она принимала на работу Асю, предложив ей место ассистента режиссера. Марьяна была лучшим шеф-редактором за всю историю проекта, так рассказывал Казанцев, а он-то был в нем с момента создания. А когда Казанцев из шефов стал креативным продюсером, шеф-реды стали меняться каждые три месяца. То Шеф Шефов не принимал, то Косилин сжирал за бесхарактерность. «Без яиц не выжить», – кричал на планерках Казанцев. А однажды шеф-ред умерла в монтажке. В прямом смысле умерла. Остановилось сердце. Это было страшно. В 15-ю потом даже монтажеры боялись заходить. Не из суеверий, а из страха, что мы все когда-нибудь умрем вот так, в какой-нибудь монтажке. В общем, только когда пришла Марьяна, достала свой член, который был у нее по самый локоть, и сказала, что будет так, как хочет она, то все потихоньку наладилось. Самое крутое в Марьянке было то, что она никогда не кричала, она не была из тех «паларешных» баб, а таких в «Останкино» каждая

вторая, которые считают, что имеют право заползть на столы, топтать бумаги подчиненных, раскидываться чужими телефонами или тем, что попадет под руки. Маря всегда очень доступно и просто объясняла, чего она хочет от редактора, а если он не понимал, то надолго не задерживался.

«Я хочу, чтобы сегодня у меня герой заплакал. Найди его слабое место и дави, пока я не увижу слезу. А когда увижу, как он плачет, скажи Степе, чтобы снимал крупно, так крупно, чтобы у меня самой все защемило в груди. А если защемит у меня, то вся страна скажет спасибо за программу просмотрами».

И как-то все получалось. Однажды Марьяна захотела провести эксперимент и запихнуть ведущих в гроб. Ради подводки к новому «ВИЮ». Реквизиторы привезли в студию гробы, она положила туда двух достопочтенных коллег и попросила не открывать, пока те не запаникуют. «Так реакция ведущих на их же появление в кадре будет естественнее. А чем естественнее реакция, тем интереснее смотреть зрителю», – утверждала она, когда Шеф Шефов вызвал ее на ковер.

Она пару раз резала декорации по краям, потому что студия была маленькая, а стандартные декорации больше, а потом исполнительным продюсерам на доступном русском объясняла, почему ей пришлось пойти на крайности и потратить деньги компании. Все утвердили.

И вот сейчас, когда лучший шеф-редактор уходила в де-

крет, все поняли – это шанс. Кто-то из них, четверых редакторов, сможет стать новым Шефом. Как в китайской сказке: «Дракон жив! Победил Дракон!» И на место нового Дракона придет следующий, даже если придет он в образе тихой мышки. Но мышки в этом коллективе не водились. Единственной мышкой была ассистент Поля, но она чаще сидела в архиве или инжесте⁶, сгоняя видеоматериалы.

– А почему бы и нет? – Марго откинула копну длинных пшеничных волос за плечи и улыбнулась во все 32 винира. – А ты против? – кинула она мячик раздора.

– Да все равно не станешь. Не парься, – съязвила Ася.

Ася посмотрела на Веру, которая жестом показала, что сейчас кто-то взорвется. Хорошо, что взрываться Асе совсем не хотелось.

– Да все уже понятно. Казанцев собрал нас всех...

– Потому что мы пазл! – пошутила шуткой начальница Ася.

– Да, – засмеялась Вера, – разгадай меня, я – шарада! – подхватила она.

– Девочки! – перебила их Марго. – Я просто хочу, чтобы вы понимали, что кто бы ни стал шефом, мы должны уважать выбор нашего начальника.

– Бла-бла-бла, – промычала Вера. – Короче, идем к Казан-

⁶ Программно-аппаратный комплекс для синхронной многоканальной записи в видеофайлы.

цеву, и пусть он решает, кто следующий.

– А Варя? – вдруг вспомнила Ася о существовании еще одной коллеги.

– Сейчас, – Марго достала из сумки телефон и набрала номер четвертого редактора: – А ты где? А как... ок... ок... сейчас.

Изменившись в лице, Марго положила трубку.

– Она у Казанцева.

Все трое встали и направились к центральным лифтам. Они молчали. Каждая из них понимала, что шанс чуть подрасти в глазах руководства и финансовой службы может случиться совсем скоро и расстояние до него 12 этажей. И если повышения не случится сейчас, то останется ждать, когда кто-то следующий умрет либо пойдет в декрет. В декрет никто не собирался.

Девушки вошли в пустой лифт, и Вера нарушила молчание:

– То есть мы должны будем снять какое-то огнище, чтобы Казанцев обосрался от счастья?

– Киркорова? – предложила Марго.

– Это уже не круто, ты в прошлом веке живешь, – Ася нервничала и, спрятав руки в карманы, сжала кулачки. Она смотрела на табло этажей и ждала волшебный «12». – Никогда не замечала, что эти новые лифты такие медленные.

– Да и музыка тут играет нудная, – поддержала Вера.

– Это Брамс, – вдохновилась Марго, и когда дверь лифта

отворилась, она первая шмыгнула в сторону кабинета креативного продюсера.

– Она просто дохлая, – Вера посмотрела на Асю, как бы оправдываясь за то, что Марго вышла первая.

Девушки остановились у кабинета Казанцева.

– Ну что ж, как из лифта, так она первая, а как к шефу... – Вера свысока посмотрела на коллег, чуть отстраняясь.

– И к шефу могу! – нагло бросила Марго и открыла дверь.

В кабинете уже сидел развалившийся на центральном стуле Казанцев, а рядом на подоконнике Варя курила в окно.

– Смотрю, вы вовремя, – подметил Казанцев, посмотрев на часы, висевшие над дверью.

– Ты не сказал во сколько, – ответила Вера и присела напротив шефа.

– А если договоренности нет, это не значит, что встреча не должна состояться.

Саша поправил ворот рубашки и строго посмотрел на редакторов.

– Я вас здесь собрал, потому что вы...

– Пазл... – протянули все вчетвером. Казанцев расхохотался своей полувековой и совсем не смешной уже шуточке:

– Уяснили, уяснили... – и снова стал строгим.

Вера пересела с подоконника за круглый стол. Ася сидела по левую руку от шефа, Марго по правую, Варя села рядом с Верой.

– Вы знаете, что Марька уходит рожать и нам всем жаль.

– Кому как, – усмехнулась Вера.

– Мне жаль! Потому что ни одна из вас не сделает то, что делает Марьяна!

Он легонько ударил по столу кулаком.

– Сорри, – Вера откинулась на спинку стула.

– Короче! Мне нужен шеф. Через два месяца она станет совсем пузатой и пойдет к своему мужу-олигарху под крыло, вернется не раньше чем через три года, а мне надо, чтобы проект был в надежных руках. Кто готов?

Он бросил взгляд из-под очков на каждую по очереди.

– Да все готовы, – ответила Ася, глядя на него так же пристально.

– Вы все говорите, что готовы, а потом сливаетесь. Короче... – замялся он, – помимо того, что уходит Марьяна, умираем и мы.

– В смысле? – Варя наклонилась грудью третьего размера на стол и показала шефу, чем может гордиться.

– В прямом! – стараясь не смотреть на Варю, ответил он. – Рейтинги – говно! Программы – говно! Нам надо менять формат. И чем скорее мы сделаем ребрендинг, тем больше вероятности, что нас не снимут с эфира.

– И что мы можем сделать? – по-настоящему испугалась Марго, не видя другой перспективы, как стать шеф-редактором только на этом проекте.

– А вот это вы мне предложите! Вы же все готовы стать шеф-редами! Вот и дайте мне тот формат, который принесет

мне... – он загнулся, – проекту цифры. Одинцова, конечно, затащить Ковальчука было не так сложно, с учетом того, что он мне обещал пятнадцать лет назад. Надеюсь, цифру даст, хотя вел он себя как мудака. Все время про театр, про кино, ничего важного не сказал.

– У нас программа такая... не о важном, – съязвила Ася.

– У нас программа об откровенном на ночь! А там из откровенного – только что он трусы потерял во время съемок «Капитана». И то, наверное, пьяный где-то валялся... а так сплошная вода.

– Ну он же народный артист, он про кино и театр, а не про трусы, – оправдывалась Одинцова.

– А я хочу про трусы! Ась! Ты пререкаться пришла или работать? – вспылил Казанцев. – От каждой из вас в понедельник жду расписанные верстки новых форматов.

– Это ток-шоу, документалка, студийка, что это должно быть? – растерялась Вера.

– Это может быть что угодно, мы будем экспериментировать. Нам Бог велел, – он указал пальцем вниз, намекая на Шеф Шефов.

– А зритель не офигеет от наших экспериментов? – спросила Ася. – Наша аудитория – бабушки с лавочки, которые перед сном в субботу смотрят про своих любимцев, а тут мы бах им желтухи мешок.

– После того как «Пока все дома» ушло на «Россию», я уже ничему не удивляюсь, – вмешалась Вера.

– А зритель будет хавать наши эксперименты, – отрезал Казанцев и откинулся на спинку стула, поправив очки на переносице.

Все четыре редактора смотрели друг на друга недоумевающе. Их как будто на секунду объединило общее горе – стремительное падение рейтингов.

– Ну... нам пора... – сориентировалась Вера.

– В понедельник в 12 жду с верстками. И, крошки мои, – вдруг расплылся в улыбке Чеширского Кота Казанцев, – поспите немного, а то на вас лица нет.

Они вышли из кабинета и снова посмотрели друг на друга, ища поддержки.

– Давайте-ка на минутку в офис, – махнула рукой Варя.

Они поднялись на 13-й этаж и вошли в редакцию. Каждая села на свое место, и все, не сговариваясь, закинули ноги на стол.

– Потому что мы банда, – подхватила настрой Вера.

– Что делать-то будем? – задумалась Марго, запрокинув голову к потолку и свесив волосы за стул.

– На «Спасе»⁷ новый проект открывается, пока не поздно, можем все перейти туда, – предложила Ася.

– Без паники! – Варя стукнула по столу кулаком и замолчала на секунду, а потом продолжила: – У нас нет выхода. Это наша программа, и нам надо как-то ее спасти. Откуда мы только ни выбирались, так ведь? – как будто пыталась

⁷ «СПАС» – первый общественный православный телеканал.

убедить саму себя. – Я предлагаю разбиться по направлениям, чтобы не повторяться. Я готова реанимировать то, что сейчас есть. У меня есть идея, как можно поднять рейтинг, ничего не меняя. Она не огонь, но попробовать я могу.

– Позвать Киркорова? – Марго искренне улыбнулась впервые за день.

– Я документалку возьму, – подняла руку Ася. – Я кое-что предвижу и это не Киркоров, – подхватила она шутку.

– Ток-шоу, – выбрала Марго.

– Хочу как «Реальные пацаны» замутить... – Вера опустила ноги на пол. – Типа кино про героя, но с мокьюментари⁸. Ну, чтобы еще и жизнь жизненную показать.

– Вер, это реалити, – уточнила Марго и снова поправила волосы.

С минуту они сидели в тишине, пока Вера не встала со стула.

– Ну, мне пора. У меня сегодня брат женится, – Вера потянула джинсы, которые собрались на коленках. – Мне бы успеть хоть в ресторан, в ЗАГС уже не доеду.

– Хоть джинсы нарядные надень, – Марго осмотрела коллегу с ног до головы.

– На фиг? Они знают, что я на телике работаю. Я не переодеваюсь.

– Ты на машине? – Варя встала со стула и потянулась за сумкой, которую кинула при входе на тумбу.

⁸ Псевдодокументальный фильм с комментариями героев.

– Тебе до ВДНХ? – уже у выхода спросила Вера.

– Да куда-нибудь. До понедельника, – крикнула уже на выходе Варя.

Дверь хлопнула. Первой тишину нарушила Ася.

– Думаешь, нас закроют? – она повернула откинутую на спинку стула голову в сторону Марго.

– Не думаю... хотя, знаешь, тут интервью Светланы Бодровой вышло... и вековые проекты закрывают, – сказала она на выдохе.

– «Жди меня», что ли?

– Ну да. Я прослезилась, когда читала. У меня на «ухе» сценарист какой-то дурацкий вопрос читает ведущим, а я плачу. Он спрашивает: «Я что-то не так сделал?» А я плачу.

– Там все грустно?

Ася подошла к окну и закурила.

– Там все по-настоящему. Мне бы так хотелось поработать в то время, когда Листьев был, Любимов, Кушнерев, Демидов, Кушанашвили – еще брился.

Марго откатилась от окна, чтобы не дышать дымом.

– Мне кажется, тогда было по-другому.

– Всегда по-другому там, где нет нас. Мы же тоже историю делаем. Это сейчас нам кажется, что мы фигню спасаем, а нашей фигне уже 15 лет. Потом будем давать интервью как лучшие редакторы, а кто-то будет так же, как и ты, сидеть в аппаратке и плакать.

– Нет, я не думаю, что нас закроют. Но менять однозначно

что-то надо.

Марго посмотрела на экран телефона, открыла сообщения и улыбнулась.

– Мы теперь конкуренты, – прошептала она, не обращаясь к Асе.

– Соперники, – задумалась Ася и отвернулась к панораме за окном.

– Побежала я... – Марго быстро собралась и уже на пороге бросила: – Если что, звони.

Дверь снова хлопнула. Какая должна быть причина, чтобы Ася в грядущий выходной набрала Марго, она пока не представляла, но знала, кому позвонить, чтобы унять это волнение, которое щекотало где-то под ребрами.

Она дождалась, когда за дверью пропадет стук каблучков. Докурила. Затушила окурков в общей пепельнице в виде слона, который кто-то из девочек привез из Таиланда. Слон не мылся никогда, он всегда был серый из-за пепла и пах табаком. Это было не неряшество, это была дань слону – он не любил мыться. Так считали девочки.

Ася закрыла окно, убедилась, что в кабинете совсем тихо. Набрала номер Ковальчука и на несколько секунд замерла.

– Алло, – ответил сонный, хриплый голос артиста.

– Простите, разбудила? – прикусила губу Ася и села на стол, поставив ноги на стул Марго.

– Спал, – честно признался Андрей.

– Простите. Давайте позже наберу.

Она ждала, что он откажется, что продолжит разговор, как обычно делают воспитанные люди.

– Я сам перезвоню, – и положил трубку.

– Да ладно! – Ася отвела телефон от уха и посмотрела на экран. – Ты реально бросил трубку?!

Она спрыгнула со стола и усмехнулась. Как редактор, конечно, она не привыкла, чтобы ей отказывали, чаще отказывали как женщине. Особенно, когда мужчинам надоедали ее бесконечные дни в работе, то отказов становилось больше. Но в съемках отказов быть не должно, считала она.

Обсуждение идеи

Андрей перезвонил. Вечером. Ася ждала. Она открыла ноутбук и изучала «детство-юность-отрочество Ковальчука» в Википедии и по немногочисленным интервью. Прозванивала журналистов, которые брали эти немногочисленные комментарии к текстам. «Лучше начинать с наших дней, с того, кого мы совершенно не знаем...» – задумалась она и тут же отвлеклась на вибрирующий мобильник. Дождалась, когда пройдут три необходимых для волнения звонившего гудка (хотя вряд ли она когда-то добивалась нужного результата) и провела пальцем по экрану.

– Здравствуйте, Андрей.

– Здравствуйте. Звонили?

– Я по поводу нашего вчерашнего разговора. Все в силе?

– Что вы имеете в виду? – растерялся артист.

– Ваше согласие сняться в моем фильме?

– Я не соглашался, – хмыкнул он в трубку.

– Но и не отказались, – включила она полнейшую идиотку, таким образом она уже смастерила себе два интервью. Обычно такое только на мужчин и действовало.

– У меня нет времени.

– У вас нет времени на вас? – удивилась она своему удивлению, как будто действительно удивилась, а не сыграла.

– Вы имеете в виду – на бесплатную работу? – возмутился

артист.

– Это работа, которая приносит вам известность, – чуть тише сказала она, прекрасно зная, как работает теле- и кинобизнес. Кто-то снимается, кто-то снимает, а потом этот кто-то срубает гонорары с кассовых сборов, а кто-то другой аплодирует в зале, бесплатно пройдя на премьеру в «Октябрь».

– Мне этого не надо.

– Если бы вам не нужна была слава, вы бы не стали артистом, или я не права?

Он на несколько секунд замолчал, улыбнулся, но при этом ответил:

– Нет.

– У меня есть идея! – убеждала она.

– Оригинальная идея?

– Моя идея.

– Может быть, вы пришлете? Мне тяжело воспринимать на слух, надо, чтобы расписали идею и пришлите моему директору, – пытался отмазаться Ковальчук.

– Ну уж нет, – воспротивилась Ася, думая о том, сколько она уже про него прочитала, и очень неправильно с точки зрения редактора, что он переводит ее на своего директора. – Так я не работаю. Раз уж вы хотите, чтобы я вам расписала, то и обсуждать идею я буду только с вами. Мне кажется, вы пытаетесь уйти от ответа, права? – возмутилась она.

– Нет, не правы, – Андрей прокашлялся, что означало, что он врет. Он всегда кашлял, когда врал, но Ася еще об этом

не знала. – У меня просто совсем нет времени. Давайте в двух словах, что хотите?

– Хочу документальное кино, которое раскроет вас не только как человека, который последние шесть лет живет затворником, а покажет настоящего народного артиста.

– Ася, вы же понимаете, что пытаетесь меня развести на это дешевое интервью.

– Нисколько, – откашлялась она, что означало, что она врала, только Андрей еще об этом не знал.

– Давайте так! Пишите свой сценарий, присылайте на почту, и я подумаю, – отрезал он.

– Не вижу смысла откладывать, предлагаю встретиться.

– Сначала напишите, а потом обсудим. Мне неудобно говорить. Спасибо. До свидания, – и положил трубку.

Ася от злости кинула телефон на пол, и тот прокатился по зеленому пушистому коврику из «ИКЕА».

– Напыщенный индюк, – прошипела она.

Андрей кинул телефон на кухонный стол, тот прокатился до сахарницы и врезался в нее корпусом.

– Достала!

Он сел на стул у подоконника, открыл настежь окно и посмотрел на вечернее Садовое. На улице совсем стемнело. Он закурил. Кухня наполнилась дымом. В животе заурчало. Он протянул руку, открыл холодильник, достал пачку с молоком и сделал несколько глотков.

В этой квартире давно царила тишина. Ни гостей, ни шумных вечеринок. Все это закончилось шесть лет назад. Как и он сам закончился шесть лет назад. После этого редкие интервью, к которым обязывали рекламные кампании фильмов, ну и вот эта встреча, которую обещал еще пятнадцать лет назад.

У подъезда остановилась машина, и с пассажирского сиденья вышла девушка в белом пальто. Андрей приблизился к окну и стал ждать, когда она зайдет в дом. Он давно наблюдал за соседкой по подъезду, придумывал разные истории про нее. Она могла бы быть женой какого-то богатого бизнесмена или иностранкой, прибывшей на ПМЖ в Россию, или просто успешной художницей. Неуспешные белое пальто не покупают. Девушка зашла в подъезд. Андрей вернулся на стул и откинулся на спинку. Перед глазами открывался осенний «Ла-Ла Ленд», огни, парочки, маши-и-ины. Бесконечный поток машин. Садовое горело кольцом где-то за поворотами, но звук автосигналов доносился и до него.

Андрей протянул руку к старенькому радиоприемнику, доставшемуся ему во время путешествия по Карелии. Он тогда был молодой и мог позволить себе быть бедным и при этом путешествовать. Поездка была незапланированной. Он с друзьями Мишкой Сулимом и Костей Еремеевым – все только-только выпустились из ВГИКа, – распив бутылку горячительного и побуждающего, приехали на Ленинградский – и до Петрозаводска. Проснулись где-то под Подро-

жьем. Костик первым открыл глаза и завопил с верхней полки, что его похитили. Успокаивались уже второй бутылкой горячительного.

В Петрозаводск прибыли к вечеру, идти было некуда, и пошли в местный театр рассказывать историю, что студентов ВГИКа отправили к ним на стажировку. А там уже закрутилось... и следующие три дня они пробыли с худруком в лесах Карелии. Где-то по пути к «чистейшему озеру» – так говорил проводник – они остановились в избушке лесника Иваныча, а там как раз стоял радиоприемник, который уже давно ловил только одну волну.

Из слабого динамика заиграл Петров с романсом из кинофильма, Андрей замер. Эта музыка не действовала только на бессердечных и глупых. А Андрей был артистом, что не предполагало как минимум бессердечности. И только левая рука отбила на подоконнике ре-диез, как тут же отвлекся от музыки души к музыке реальности: из комнаты доносились звонкая трель мобильного. Андрей быстро встал со стула и в темноте побрел на звук.

– Да, Олежка, – ответил он на звонок директора.

– А тебе не кажется, что ты что-то забыл? – прозвучал в трубке уставший голос.

– А, ты об «Откровенно на ночь»... так это шутка такая... – усмехнулся Андрей и упал навзничь на кровать.

– Ты решил, что пора выбираться из тени?

– Всем выйти из сумрака, – захохотал артист.

– Я серьезно! – чуть повысил интонацию собеседник.

– ... помнишь, я обещал... ну не обещал, а поржал когда-то, ну вот они запомнили. Так прошло 15 лет.

– То есть звать тебя на премьеру Учителя бессмысленно?

– А что там? – искренне заинтересовался он, услышав фамилию режиссера.

– «Матильда»...

– Не люблю балет... – вывернулся Андрей.

Олег Сапронов был не просто директором, он был другом. Он был первым, кто приехал в тяжелые времена к Андрею и был с ним, пока тот не пришел в себя. Они пили. Ругались. Доходило до драки. Но всегда оставались друзьями.

– Кста-а-ати, – завелся Олег, – тут очень крутой благотворительный проект запускается, в «Крокусе» проходить будет...

– Крутой благотворительный проект, Олежка, услышь себя...

– Хрен с тобой, – отмахнулся Олег, злясь на артиста.

– Как сам? – перевел тему мастер перевода тем Ковальчук.

– Рожать нам скоро, – отвлекся-таки Сапронов.

– Волнуешься?

Ковальчук пошарил рукой над головой и подтянул подушку под правую ногу, которая ужасно ныла на погоду.

– Волновался на первой, на третьем можно выдохнуть, – улыбнулся Олег, и в трубке послышалось щелканье зажигалкой.

– Будем ждать... кого ждем?

– Сына обещали. А там... да какая разница. Я, вообще, вот чего звонил, – опомнился Олег.

– Опять по делу. Никогда не можешь со мной просто поговорить, – глубоко вздохнул Андрей.

– Прости... это правда важно. У Кости Еремеева фильм новый запускается.

– Что-то интересное?

– Ну тебе должно понравиться.

– Мне интересно про 90-ые, про бандитов – стал рассуждать Ковальчук и тут же заржал.

– Это ты Палю оставь, а ты уже из этого вырос.

– Что значит вырос? Артист растет в ролях, а не с годами.

– Вот именно, в ролях! Нормально играй, нормальное кино будет, – зашипел Сапронов. – В общем, тема такая...

Ася вошла в кухню, Женька сидела на полу у приоткрытой двери балкона и выпускала дым в город.

– Ковальчук, да?

– Ковальчук – напыщенный, самоуверенный, самодовольный индюк! Нет, я все прекрасно понимаю – роли, статус, недоступность, но не мудака же включать? Он бы еще, как молодая бездарность, с ноги дверь открывал и требовал кофе с сушками!

– И как часто такое бывает?

– На каждой съемке, чем меньше у артиста ролей и песен

на альбоме, тем больше корона. Я люблю Кобзона. Вот приезжаешь к нему в офис «Пекин», а Иосиф Давыдович тебе стульчик уже организовал, рассказал операторам, как свет ставить, а потом взял и с одного дубля весь текст монтажно рассказал, да так, что его «резать» жалко. Ведь он с душой. Он – человек. А это все...

– Садись, – Женька постучала по полу ладошкой и протянула сигарету. – Я увольняюсь, – Женя еще раз вдохнула и передала сигарету подруге.

– Это потому что программа не сошлась?

– Мне не доверяют... а так работать нельзя. Как можно работать с людьми, если они не верят, что ты можешь расти, развиваться... ладно, фиг с ним. Мишка твой приезжал.

Ася глубоко вдохнула дым и замерла. На секунду задумалась и выпустила.

– Видеть хотел, а чего не увидел?! Испугался? Жень, я с ним уже раз двадцать это обсуждала. Зачем мне мужчина, который ноет, все время ноет: «Я не могу найти нормальную работу, я не могу прибить гвоздь, я не могу, я не могу». Почему я могу, а он не может?! – возмущалась Ася.

– Потому что ты сильная женщина, которая дура.

Ася оторопела от такой наглости.

– Любая умная женщина – сильная. – продолжила Женя. – Только она прикидывается дурой и сваливает все на мужчину. Так же проще! Он решает, а ты красивая.

Женька привстала с пола и открыла холодильник, достала

кефир и стала пить из пакета.

– Именно поэтому ты не замужем! – съязвила Ася.

– Бла, бла, бла...

На столе завибрировал мобильный.

– Мишка это...

– Я не буду разговаривать. Я больше не могу общаться с людьми, – скорчила гримасу Ася.

– Я тоже. Но это твой парень вообще-то.

– Бывший парень вообще-то.

– Вот пусть и вибрирует твой бывший парень, – Женька вышла из кухни, не оборачиваясь. – Закончишь, телефон занеси, – бросила она и закрыла дверь в комнату.

– Гадина, – прошипела Ася и схватила трубку.

Она посмотрела на экран, который тут же погас.

– Еще раз позвонишь, возьму. А если не позвонишь... – не успела она договорить, как экран снова замигал, а телефон затрясся в конвульсиях. – Ты что-то хотел? – холодно ответила она.

– Ась... – выдохнул он. – Дома?

– Что ты хотел?

– Я поднимусь? – терялся парень на другом конце радиоволны.

– Не стоит.

– Спускайся. Мы просто поговорим, – просил он так искренне, как когда-то просил провести его на «Вечернего Урганта», когда к нему MUSE приехали.

– Хорошо.

Ася положила трубку и забегала глазами по комнате в поисках переносного зеркала. Нашла его на подоконнике и стала приглаживать растрепанные волосы.

– Телефон занеси, – крикнула сонная Женька.

– Да погоди ты...

У подъезда стояла белая Mazda с длинной царапиной вдоль двух дверей с пассажирской стороны. Эту царапину сделала когда-то Ася, когда приревновала его к «какой-то овечке из Эльдорадо».

Миша ходил из стороны в сторону.

– Ну давай поговорим.

Ася прыгнула на капот и загородила ногой бьющий в стену свет фары. Миша вздрогнул и прищурился, боясь, что на капоте появится вмятина.

– Все нормально, – успокоила она.

– Я хотел обсудить нас... – сбивался он. Взрослый парень смотрел в асфальт и мялся, как будто просил повышение зарплаты у шефа.

– Мне кажется, мы обсудили. – Ася почувствовала превосходство. – Миш, если бы ты хотел, чтобы что-то у тебя было, ты бы делал, а не ныл. Иметь квартиру в Москве – это не повод останавливаться, а возможность работать еще больше...

– Да что ты привязалась к квартире. Ась, я не упрекаю тебя за то, что ты из Сибири! Ты же не ходишь в шапке из мед-

ведя и не пьешь водку, чтобы согреться! Я не вижу проблемы в том, откуда приехал или где жил человек. Важно, что ты не хочешь меня выслушать! – злился он, но глаз не поднимал, отодвигая кроссовкой кленовые листья от колеса машины.

– Хорошо. Я слушаю, – смирилась Ася и даже замолчала. Обычно она могла все, но молчать не могла почти никогда.

– Да, мне действительно не нравится твоя работа, я считаю, что человек не должен быть на работе с утра до ночи. Я просто не понимаю, что можно делать ночами в «Останкино»?

– Монтировать, – ничуть не смутилась она.

– Монтировать можно и днем! Ась, есть время, которое определено для работы, а есть время для себя.

– Миш, моя работа не имеет никакого отношения к нормальности. Я не сижу в офисе, как ты, с 9 утра до 6 вечера. Я не всегда могу отдыхать в выходные. Не всегда могу позволить себе отпуск или праздник. И ты можешь говорить, что это ужасно, что это неправильно. И я с тобой согласна! Я тоже злюсь, когда приходится выходить 8 марта на съемку или на монтаж 1 января, но я люблю эту работу. Люблю то, что я делаю. Это же как шоколадные конфеты, ими невозможно наестся.

– Это сумасшествие, Ась! А жить ты когда будешь, если все время работаешь? Заводить семью? – Миша поднял круглые глаза на свою уже не девушку и коснулся ее пле-

ча, пытаюсь образумить безрассудную.

– Я об этом еще не думала... – она закусила губу и спрыгнула с капота. – Видишь, в чем проблема – тебе не нравится, что я работаю как умалишенная, а мне не нравится, что ты сидишь и ни фига не делаешь. Мне хочется гордиться тобой, правда, хочется. Но мы разные.

– Это не повод не быть вместе, – убеждал парень.

– Мы уже четыре раза пытались начать все с начала. Ты устраивался на работу, потом увольнялся, шел с друзьями курить кальян и вести задушевные беседы. Или садился дома, жрал оливье и твердил, что тебя никто не ценит! Ну, Мишка, ну ты же не ребенок. Никого не ценят. Мы все кем-то пользуемся, нами пользуются. Мир потребления. Но и в нем можно жить в удовольствие.

Она обняла Мишу, он прижал ее к себе.

– Мне без тебя плохо совсем, – протянул он.

– Тебе не без меня плохо, тебе с собой плохо.

Она обнимала его как брата, уже не чувствуя никакого влечения. Понимая, что если не поставит точку сейчас, то не поставит ее еще раз, и еще раз, и так каждый раз, она, как героини «Модного приговора», будет тянуть до последнего, пока ее не бросит муж-тиран, и придется ей идти за новыми шмотками на телевидение, чтобы жизнь перевернуть. Но как со шмотками не меняется жизнь, так и без точки не будет финала.

– Давай так, – она отстранилась и посмотрела на этого

обиженного парня, которого год назад еще любила. – Мы сейчас скажем друг другу «пока». Расстанемся. Еще раз попробуем, давай?

– И больше не будем видеться? – он посмотрел щенячьими голубыми глазищами.

– Мы же и так не видимся, я все время на работе.

– Ну да...

– Согласен?... Да что я спрашиваю. Короче, я так решила.

Нам надо расстаться, – внезапно всплыла она.

– Я люблю тебя, Ась, – прошептал он и отошел на шаг назад.

Девушка коснулась ладони Миши, он тут же ее одернул, и она ушла в сторону подъезда. За спиной завелась Mazda, свет фар стал ярче, и шины зашуршали по мокрому асфальту.

«Еще раз ушел», – подумала она.

Она всегда чувствовала, когда кто-то уходит. Когда ее первая большая любовь решила, что ему пора «валить» от этой странной телевизионщицы, он долго чиркал зажигалкой на балконе в 5 утра, мешая соседям спать, ходил по кухне как будто в ритме вальса – раз-два-три-раз-два-три-раз – и так, пока не закончились слова. Потом сел, выдохнул и сказал, что кажется больше не любит. Ася слышала, как он спускается с третьего этажа, как хлопает парадной дверью и как машина отъезжает от дома. Потом был папа. Она слышала, как он хрипит, сглатывает, снова хрипит, теряет голос, со-

знание, медленно дышит, и в итоге он просто ушел, сказав, что «все будет хорошо». Теперь ушел Миша. Но это не уда- рило в спину, как два самых важных ухода, нет, Мишин уход стал облегчением.

Да, это был невероятно важный человек для нее, который научил быть терпимее и добрее к людям, но вот он завел машину и уехал.

Ася вошла в квартиру и захлопнула дверь, повернула ключ на два оборота и села на стиральную машинку при входе.

– Все нормально? – донеслось из комнаты.

– Да. Он уехал, – крикнула она в ответ и стерла с глаз скатившиеся капли, совсем не важные капли. Они не трогали, они как последний знак препинания в тексте. Конец.

– Когда придет? – кольнула соседка.

– Надеюсь, уже не придет.

Она выдохнула, прыгнула со стиралки и пошла в комнату.

– Мобильный проверь. Пиликал, – уже за дверью слышался голос Жени.

Ася подняла телефон с зеленого коврика – на экране был пропущенный от Ковальчука. Сначала затряслись руки, потом она взяла себя в них и набрала в ответ.

– Андрей, звонили? – после второго гудка заговорила она.

– Да, Ась, здравствуйте. Я звоню извиниться, – услышала она низкий, хриплый голос Андрея.

– Неожиданно... – вырвалось у нее.

– Понимаю, – она услышала, как он улыбнулся, – я просто проснулся не в духе и не подумал о том, что разговариваю с девушкой.

– Удивляете так удивляете... – продолжала она.

– Ну бросьте, неужели вы считаете, что если я актер, то я не человек? – Андрей стал говорить чуть громче, не принимая реакции Аси.

– Именно так я и думаю. Вы первый извиняетесь... о нет, Хабенский как-то раз извинился за опоздание, а потом за то, что уже торопится. Все.

Ася достала из сумки блокнот и ручку и стала выводить на бумаге квадраты, это помогало ей сосредоточиться и не думать о том, что общается с нужным ей человеком.

– Константин Юрьевич – он такой... В общем, простите, что вспылил. Давайте начнем все сначала. Я Андрей Ковальчук – артист, и я хочу, чтобы мы сделали с вами совместный проект.

– ...

– Алло, вы слышите меня?

– Да, я слышу, – девушка нарисовала в квадрате круг. – Вы хотите получить главную роль в фильме про Андрея Ковальчука?

– Ну, если мне нужно пройти кастинг, то я готов. Куда подъехать? – засмеялся он.

– А давайте завтра в «Бистрот» на Чеховской, там тихо

и пахнет выпечкой. Только подготовьте что-то из раннего Ковальчука, чтобы мне проще было вас утвердить, – улыбнулась Ася и от собственной наглости продавila ручкой листок в блокноте.

– Я попробую вспомнить, – усмехнулся артист.

– В семь?

Ася встала и, закусив губу, прошла из стороны в сторону малогабаритной комнаты в ритме вальса-бостон.

– Давайте раньше. Сможете в три? В семь у меня проба.

– Ок. А вы еще продолжаете пробоваться? Продюсеры не доверяют? – удивилась Ася.

– Я настоял на пробе, мне кажется, таким, каким я буду в этом фильме, я еще не был.

– Расскажите?

– Давайте завтра в три в «Бистрот». Только большая просьба: придумайте что-то оригинальное, – взмолился он, – а то складывается впечатление, что вас, журналистов, штампуют на двухнедельных курсах, одни и те же идеи, вопросы...

– Обижаете, – фыркнула телевизионщица.

– До завтра, Ася.

– До завтра, Андрей.

Ася первая положила трубку и завизжала, ей отдалось в ушах эхом. Она прыгала по комнате, кричала, еще не осознавая, что ждет ее в личных 48 минутах. Дверь в комнату медленно открылась, и сонная Женька кинула в подругу подушку.

– А ничего, что ты не одна живешь!

– Женька, – схватила она за плечи соседку, – Ковальчук согласился! Он сам позвонил и сказал, что хочет сниматься!

– Странно.

Женя встала в проходе и облокотилась на дверной косяк. Ася остановилась и замерла.

– Ты права. С чего он будет звонить и говорить... он пытается меня... да нет! Такого быть не может! Зачем ему это?

Ася продолжала ходить по комнате, будучи не в состоянии совладать с эмоциями.

– А это уже ты должна выяснить. Не думаю, что ты ему просто понравилась. Вас, журналистов, по объявлениям набирают...

– Мне нужно время... – задумалась Ася.

– В тебе ничего человеческого не осталось... один журналист!

Она захлопнула дверь перед носом соседки, открыла ноутбук и начала быстро набирать текст, сбиваясь в знаках препинания.

Уже в 14.30 Ася сидела в кафе, допивала вторую чашку чая и смотрела по сторонам, чтобы не пропустить артиста. Если бы не шкурный интерес, она бы давно уже позвонила в «Лайф» и сообщила, что Ковальчук будет с новой пассией обедать на Чеховской. Получила бы за информацию пять ты-

сяч рублей и на них купила себе новые бежевые туфли, которые бы поставила в коллекцию туфель от «Лайфа», но сейчас новые туфли были не так важны, как документальный фильм.

В 15.07 Андрей вошел в кафе. Закрыв мокрый зонт, пригладил волосы и осмотрелся.

– Я здесь! – махнула она рукой и поправила воротничок на рубашке.

– Здравствуйте, Ася. Как ваши дела?

Он присел, улыбаясь киношной улыбкой.

– Вот чай выпила...

Она поправила салфетку на столе.

– Отличная новость, – иронично заметил он, снял пальто и повесил на спинку стула. Заказал официанту кофе с молоком и минералку с газом и только после этого спросил:

– Какие идеи?

Ася раскрыла приготовленный блокнот с каракулями. Подняла глаза вверх, прямо на черные глаза артиста и понизила голос, так на психологии в университете их учили вызывать симпатию собеседника. Но, кажется, это никогда не работало.

– Я хочу предложить вам стать самим собой. Но вот не делать эту скучотищу федерально-канальную – «Жизнь и судьба Васи Пупкина», а я хочу, чтобы вы вели зрителя, как Высоцкая в своей кулинарке делает или как блогер, который ведет влог.

– Что?

– Неважно, – махнула Ася рукой, – хочу предложить вам стать автором вашей истории.

– То есть вы хотите сделать меня ведущим?

– Не совсем так, скорее рассказчиком. То есть мы от первого лица рассказываем историю артиста. Некого артиста, как у Радзинского... «Было это за год до революции, то есть сейчас это как бы давно, а кажется, что это было буквально вчера...» – изменила она голос, думая, что чем-то напоминает Эдварда Станиславовича. – Я хочу, чтобы вы рассказали о человеке, которого совсем не знает зритель. Так у вас получится лучше раскрыться, вы же не о себе говорите, а о каком-то актере.

– И ты вытащишь все мои скелеты, которые я должен рассказать сам?

– Хотелось бы и скелеты, мы же авторы, без драматических поворотов нет смысла рассказывать историю.

– А как ты это представляешь? «Жил-был Андрюша, который родился в Бежицком районе города Брянска в семье двух счастливых родителей. Он рос и хотел быть военным...»

– Ну, ваш текст требует доработки, – скривила она губы.

– Хорошо, не против, – улыбнулся Андрей. – Это закадровый голос?

– Нет, это все в кадре. Вы как спутник человека, о котором рассказываете. Вы идете с ним одной дорогой, проходи-

те один путь, а в итоге мы вас соединим в роли. Вы – актер, у вас есть роль, которую вы играете. Попробуйте сыграть себя! – довольная собой, предложила Ася.

– Мне нравится... – задумался Андрей.

– Я хочу, чтобы каждая локация подвергалась комментариям. Такие мини-подводки, ведущие зрителя по вашей жизни. Вот, мы идем к цели. Это будет необычный документальный фильм, он будет от человека и про человека.

– «Судьба человека»? – представил он уже отличную роль в фильме Сергея Бондарчука. дождался кофе и, кинув туда кусок рафинада, не размешивая, сделал глоток.

– Это уж вы замахнулись... что-то попроще, но так же ярко, чтобы зритель тут же захотел посмотреть. Почему блогеры так популярны?

– Придумаем... Сколько нужно времени, чтобы снять этот фильм?

– Для начала мне надо утвердить сценарную заявку у креативного продюсера, потом утвердить ее на канале, дальше составить смету, утвердить ее у исполнительного продюсера и только потом снимать. По идее, то, что я хочу снять, мы сможем сделать за две недели. На подготовку фильма к эфиру мне потребуется максимум месяц.

– Если надо позвонить на канал, то я встречу с ним в семь.

– С каналом? – прищурившись, спросила она.

– С каналом... пробы у меня.

– Это облегчит задачу, – улыбнулась она и скрестила пальцы под столом. – Если вы поговорите с Шеф Шефов, то...

– То я вам позвоню, – оборвал он. – Но у меня условие!

Андрей открыл бутылку минеральной воды, и под пробкой зашипело, как и у Аси где-то под левым ребром. Она махнула головой в знак того, что слушает.

– Я не буду говорить о личном.

– О личном – это, простите, что, в вашем понимании? – напряглась Ася.

– О семье, о женщинах, о...

– А о чем мы тогда с вами будем разговаривать – о ролях? Нет уж, простите, но это телеканал «Культура», хрень какая-то... в общем-то это синонимы. Включаешь перед сном и под монотонный голос диктора засыпаешь. Мы центральный канал, нас смотрят те, кто ходят на ваши спектакли, кто смотрит ваши фильмы, кто читает про вас в желтой прессе.

– Меня нет в желтой прессе, – твердо сказал он.

– Если вы ее не читаете, это не значит, что вас там нет.

Ася начала заводиться, как заводилась, когда герои ток-шоу отказывались говорить то, что она перед съемкой заставляла их выучить по тексту сценария наизусть и повторить в камеру. И тут что-то пошло не так, и Ася где-то в своей вселенной сломала простой карандаш на две части.

– Если вы хотите хорошее кино, то нам придется придумать такую стратегию, где мы сможем вас раскрыть, обязательно упомянув вашу семью, ваших женщин, не знаю, что

вы еще скрываете, что мне придется из вас вытаскивать, но вы – артист! И если уж вы решили быть артистом, то будьте честными перед зрителем! Но вы можете хотеть плохое кино... тогда это точно не ко мне.

Ася сделала глоток уже остывшего чая и выдохнула.

– Я вас понял, – Андрей прикусил губу и остановился взглядом на скулах Аси, которые появлялись, когда она смыкала зубы от злости. – Вы не злитесь, Ася. Просто поймите, что это моя работа, и я не могу появиться перед зрителями тем, кем вы хотите меня показать. Я не хочу, чтобы люди сомневались во мне, в моей работе, в моих ролях.

– Андрей, как человек Ася Одинцова, я все понимаю, принимаю и поступила бы так же, как и вы, поставила такое же условие. Но как журналист Ася Одинцова я этого не принимаю. Не принимаю по той причине, что если что-то делать, то делать это красиво, с удовольствием, чтобы мой зритель смотрел кино и кайфовал – рыдал, хохотал, бился в ярости или умилялся мелочам. Вот это, я считаю, хорошая работа, ради этого стоит что-то снимать. Если мы не действуем по этому плану, то давайте не будем занимать место на сервере⁹ лишними гигабайтами съемок.

Андрей посмотрел в сторону панорамного окна и уставился на мужчину с ярко-красным зонтом, который стоял у остановки и переминался с ноги на ногу, ожидая транспорта.

– Пожалуй... – артист глубоко вдохнул, снова посмотрел

⁹ Корпоративный сервер, где хранится видео материал.

на Асю, которая не сводила с него глаз в ожидании ответа, – я вам позвоню.

Он достал из кармана бумажник, кинул тысячу рублей и стал собираться.

Ася откинулась на спинку стула, захлопнула блокнот и еще сильнее сжала зубы.

– Это значит да или нет?

Он замер. По-мхатовски посмотрел исподлобья на девушку, выждал секунд десять...

– Позвольте я вам завтра наберу. Мне надо обсудить.

– Хорошо, – смирилась она.

Андрей вышел из кафе, раскрыл зонт и пошел к машине через ливень. Ася рассчиталась по счету деньгами Андрея (не туфли от «Лайф», так хоть чай от Ковальчука) и тоже вышла на улицу.

Набрала номер телефона, чтобы успокоиться.

– Мам, привет. Все хорошо... гуляю... Одна гуляю. Прямо гуляю.

Ася присела на край мокрой лавочки у памятника Есенину и посмотрела по сторонам.

– Дождь. Устала немного, ничего страшного... Ела, конечно, ела. Кашу ела, чай пила. Как давление? Таблетки пьешь? – Ася потянулась за сигаретами. – Не надо, я сама куплю, да. Уверена, мам! В смысле Королева разводится с Тарзаном? Не смотри телевизор, нет, мам, не смотри. Решу с проектом и приеду, да. Да, обещаю, мам. Формат меняем,

все хорошо. Долго рассказывать, руки мерзнут, – обходила она острые края.

Когда Ася только устраивалась работать на телевидение, то мама, как личный психоаналитик, выслушивала обо всех сложностях технического и психологического производства телепрограмм. Мама упорно пыталась вникнуть в суть каждой фразы, которые наполовину состояли из профессионализмов. Пыталась что-то комментировать: «А может быть, завтра помонтируешь свой прямой эфир» или «Конечно, надо красиво текст написать, чтобы он людям нравился, чтобы грамотно». Из маминых фраз можно было составлять словарь «антитеlevisionщика», но мама говорила всегда любя. Особенно удавалась ей фраза: «Бросай ты уже свое телевидение и ищи нормальную работу, чтобы и семью могла создать, и деньги зарабатывать». После нескольких лет маминых уговоров все бросить Ася перестала рассказывать о сложностях производства, чаще молчала. Так было спокойнее. Всем.

– Ну давай. Иди отдыхай. До завтра. Пока, мам.

Ася еще несколько минут смотрела, как за памятником двигались машины. Подумала о том, какой крутой фильм получился бы с Есениным. Он бы обязательно начинался с конной повозки. Мужчина ехал бы по бездорожью где-то под Константиново, объезжая соседние деревушки. Легкая музыка, простой незамысловатый вступительный закадровый текст. Зритель еще не понимает, кто едет в повозке, просто конь, просто копыта и скрип колеса. Повозка останови-

лась бы у обрыва Оки. За рекой расстились бы крестьянские поля. И тут Сергей Александрович спрыгнул бы на сырую землю, и Ася крупно показала бы серо-голубые глаза, которые радостно смотрят на просторы дорогой сердцу деревни. А потом квадрокоптером¹⁰ со стороны поля в сторону человека и «Эге-гей! Русь-матушка!». Но с Есениным она бы не делала фильм о поэте. Она бы делала о человеке-космосе! О человеке-буре! О человеке!

Она бы обязательно спросила у Сергея Александровича про всех-всех его женщин и сделала легкий «саспенс»¹¹, когда он заговорит о самой любимой, обязательно выделила музыкой и заглушила фоновые стихи – «да, мне нравилась девушка в белом, но теперь я люблю...».

На пешеходном переходе резко затормозила машина. Ася моргнула и отвлеклась от мыслей.

¹⁰ Беспилотный летательный аппарат, который управляется пультом дистанционного управления с земли. Как правило, на нем устанавливается мини-камера, позволяющая вести в полете фото- и видеосъемку.

¹¹ Тревожное ожидание.

Вёрстка

Утро наступило к обеду, когда в WhatsApp пришло сообщение от Казанцева с просьбой зайти. Ася вошла в телецентр. В ASAP за кофе толпились новостники, ранние выездные журналисты и операторы. Ася пробежала мимо, даже не бросая в их сторону взгляд, чтобы, не дай бог, не остановиться и не заговорить, иначе минут двадцать из жизни будет убито трёпом. Семенящим шагом прошла по узкому коридору, свернула к лифтам и поднялась на 12-й, а потом пешком на 13-й в редакцию. И только попав в кабинет, достала телефон, который лежал в кармане с самого захода в «Станкан»¹². Такое она позволяла себе редко. Завет любого редактора – «Держи телефон всегда в руках!». Целых семь минут Ася не смотрела на экран, а достав, обнаружила, что... ничего не изменилось. Ковальчук все так же молчал.

До нее донеслось ворчание Марго:

– Достал! Неужели эти пиарщики думают, что они вообще нужный народ. Какие-то бесполезные уши и руки, через которые нужно пройти как через препятствие, чтобы добраться до этих звезд, которые вообще-то и не звезды вовсе.

– Звездное ток-шоу с нашими ведущими? – улыбнулась Ася. – Они же кони двинут.

¹² Будничное название Телевизионного технического центра «Останкино».

– Тогда будем менять ведущих! – психанула Маргарита.

– Ваше право, ваше право...

Ася села за стол и снова посмотрела на экран телефона.

– У тебя кто-то согласился? – уже мягче спросила Марго.

– В процессе, – прошептала Ася, не желая делиться Ковальчуком, даже мыслью о нем. – Знаешь, я с героями по телефону так говорю... вот я бы себе ни за что не отказала... – она оторвалась от экрана телефона. – А ты с кем ругаешься?

– Да этот, как его... Коля Петров, пиарщик Туманова.

– О-о-о... по ночам не общаетесь? – засмеялась Ася. – Мы с ним как-то постоянно на связи были, оторваться от меня не мог, пока программу не сдали.

– Что снимали? – хитро посмотрела Марго.

– «Бизнес звезд». Но это было еще до «Откровенно...», я была молодая, горячая, нужны были деньги, работала на ток-шоу.

В кабинет вошли Варя и Вера с телефонами в руках. Они ржали и не могли остановиться.

– Рейтинги растут? – удивилась Марго смеху во время «чумы».

– Да что нам рейтинги! Смотрели, что «Медуза» написала про выставку в Манеже. Почитайте. Там про Зарядье.

Марго фыркнула, но на сайт зашла.

– Мне Петров звонил, – снимая куртку, бормотала Вера, – говорит, ему от нас звонили. Чья идея с этим психом пооб-

щаться?

– Моя, – посмотрела на нее Марго в надежде на хорошие новости.

– В общем, он сказал, что наша программа – вершина непрофессионализма, что редакторы, которые пытаются за счет имени его артиста поднять рейтинги, – ничтожества. Что мы все охренели на своем телевидении. Марго, это не я, это все он, – рассмеялась Вера.

– Придурак! – крикнула Маргарита и, подняв было со стола стопку бумаг, кинула от злости обратно. – Ничего, я на Буйнове выеду. Господи, мне кажется, меня там наверху кто-то проклял! Мне 25 лет, а я не сделала ничего особенного!

– Ты не Кларк Кент, чтобы спасти мир, – прервала ее терзания Вера.

– А может, мы не будем впадать в крайности и звонить таким пиарщикам, у которых артисты даже не артисты? – поддержала коллегу Варя. – Если замахиваться, то на что-то существенное. Позвони Пригожину, придумай что-нибудь с Валерией. Это поприятнее. Ну или Буйнов. Не знаю, удастся с ним или нет, там Алена постоянно тянет до последнего, но попробовать стоит всегда.

– А вас в лифтах останкинских не укачивает? – попыталась разрядить обстановку Вера.

– Меня обычно в останкинских лифтах тошнит, когда народу много, – подхватила Ася, понимая, что сейчас Марго

прорвет.

– Сейчас Малахова видела в лифте.

Вера закрыла кабинет и пошла курить к окну.

– Он же на Шаболовке теперь, чего его занесло... – отвлеклась Марго, и все выдохнули.

– Вот и я подумала...

Вера впустила воздух города в редакцию.

– А я в субботу в «Крокусе» Асмус и Харламова видела... – тихо начала Варя.

– И что они? – обернулась Марго.

– Да что-что они?! Самое страшное в этой ситуации, что я знаю, кто эти люди!

– Странно, обычно Шеф не утверждает их, – включилась в разговор Ася. – Мне тут Марька звонит на прошлой неделе, говорит: «Хочу программу с Депардье, только надо ему объяснить, что пиар в России – бесплатный».

– А-а, девочки! – завизжала Вера, уткнувшись в телефон. – «Комсомолка» жжет! Заголовок: «Кемеровчанка убила сожителя, приревновавшего ее к Стасу Михайлову».

В дверь постучали... Вера тут же затушила сигарету на случай, если это пожарники, которые так и норовили поймать нарушителей. Ася дождалась, когда пепельница уйдет с подоконника, и открыла дверь. В кабинет вошла высокая строгая женщина со вздернутым носом, зачесанными волосами и округлившимся животиком.

– Вам всем пора бросать курить!

Это была Марьяна. Любимый шеф-редактор, которого боялись, уважали, обожали.

– Обязательно! – улыбнулась Вера и прикрыла окно.

– Мне уже сообщили, что вы делите мое пригретое и честно заработанное, – улыбнулась она по-доброму и присела на стол между Асей и Верой. – Короче, девы! Все пошло не туда... Казанцев страдает, стал пить и по ночам пишет мне сообщения о том, что скоро будет трагедия. Так как я счастливая и беременная, то я не буду рисковать. Мне нельзя, муж не разрешает. Не хочу рвать жопу за рейтинги, навралась. Настал ваш черед. – засмеялась она своей же шуточке. Это были отголоски совещаний с Казанцевым. – Он сказал, что раскидал вам идеи...

– Он много пьет. Не было идей. Идеи есть у нас, – поправила Вера.

– Я так и подумала. У шефа едет крыша, он на 10-м этаже зависает, постоянно выслушивает, какой он нехороший, – объясняла Марьяна. – Идеи?

– Я хочу сделать ток-шоу со звездами. Мы можем в нашем же формате добавить людей и обсуждений, чтобы это был не простой разговор на ночь, а спор, – Марго привсталала, чтобы лучше видеть шеф-реда.

– А кого ты добавишь к герою?

– У нас может быть музыкант, спортсмен и депутат, дать тему – развитие рок-музыки в стране. Будет жарко.

– Если у тебя спортсмен и депутат подерутся, то это будет

жарко. Не отрицаю... давай предложим. Пока не вижу, – задумалась Марьяна. – Вер?

– Реалити. Не к нам приходят, а мы приходим и существуем в реальном времени. Например, эксперименты: неделю жить в детском доме вместе с этой молодой актрисой Катей Ждановой.

– Куда мы только звезд ни отправляли, – выдохнула Марья, – скоро откроется проект «Шахта», где выиграет тот, кто принесет больше угля стране. Нет! – отрезала она. – Хрень полная. Подумаем еще, но какое на фиг реалити с нашими ведущими?

Девушка погладила животик и посмотрела на Асю.

– Я хочу... – начала редактор.

– Постой, – оборвала она, – Варь, у тебя что?

– Я не хочу менять формат. Это получится полная херь, ну правда! Если уж мы заявлены как один на один, то давайте просто добавлять провокационное видео, задавать острые вопросы, – убеждала она.

– Дудь, Юрий будет Дудь, Дудь... – Марьяна спрыгнула со стола и подошла ближе к окну, все четыре редактора повернулись в ее сторону. – Это выход. Один из вариантов. По крайней мере, он сейчас выполним. Ась, – посмотрела она на Одинцову, – Казанцеву звонил Шеф Шефов... в общем, они хотят, чтобы ты снимала Ковальчука. Я не знаю, как ты это сделала, но позвони ему. Я не хочу выпускать студию Ковальчука без документалки. Ты снимешь кино,

и мы бахнем фильм и программу следом, потому что его надо резать, то, что он наплел, это херня из-под коня. Но ты должна снять так, чтобы это была бомба, чтобы мы смогли перекрыть все то, что он наплел неинтересного ведущим. Тогда я предлагаю убрать ведущих и оставить только Ковальчука.

– А не кардинально ли убирать ведущих? – округлила глаза Ася.

– А давайте разыграем начальника и нальем ему водки? – сменила тему Марьяна, понимая, что все, что делается на голубом экране, – всегда риск.

– А давайте так меня разыграем! – остановила ее Ася.

Все редакторы посмотрели на Асю и злобно улыбнулись. А Ася вжалась в стул и замерла. Она пока еще не могла поверить в то, что он согласился.

– Он мне не звонил еще, – Ася неуверенно посмотрела на Марьяну.

– Так набери сама, чего ждать. Он будет кота за яйца тянуть еще год, а нам за три недели надо сделать программу, – Марьяна отвернулась к окну. – Я передам все идеи Казанцеву, и попробуем реализовать и ток-шоу, и реанимацию, будем предлагать, а там что Шеф Шефов скажет.

– Но мы боремся за место шеф-редактора, – прервала ее мысль Марго.

– Херактора, Маргарита, если мы не поднимем цифры, то мне некуда будет возвращаться после декрета, а тебе скоро

нечем будет оплачивать бензин для своей тачки, – она строго посмотрела на подчиненную. – Я к Казанцеву пойду одна... Ась, можешь начинать.

– Три недели? – переспросила Ася.

– Я понимаю, что для создания докфильма слишком мало, но у нас нет «консерв»¹³. Мы перекроем две недели, дальше нечем. Мы должны выпустить Ковальчука кровь из носа. И сделаем это в новом формате. А пока ты будешь делать свой фильм, мы будем пробовать все варианты, которые сможем впихнуть в концепт. И у кого бомбанет рейтинг, ту и сделаю шефом. Марго! – посмотрела она на нетерпеливого редактора.

– Отлично! – выдохнула Маргарита.

Марьяна, не прощаясь, вышла из кабинета и, не закрыв дверь, пошла по коридору, стуча каблуками.

– Как ты это сделала? – повернулась с круглыми глазами Марго к Асе.

– Так хотела не я, так хотела Вселенная... – улыбнулась Ася и выбежала из кабинета, на ходу набирая телефон Ковальчука.

Гудок один. Гудок два. Гудок...

– Ася, здравствуйте, – ответил хриплый, но бодрый голос Андрея.

– Мне тут с канала позвонили... – начала девушка.

– Уже позвонили, – улыбнулся Андрей и нажал на тормоз

¹³ Материал, тема которого долго не теряет своей актуальности.

синего BMW. Он остановился на обочине на Новорижском шоссе, направляясь в сторону Главкино. Включил аварийки, выключил музыку, чтобы лучше слышать.

– Мне сказали, что вы очень хотите сняться в моем фильме! – говорила она и не верила своим словам. Пока.

– Да, вам все верно сказали. Я подумал, что мне это необходимо, – тихо подтвердил он.

– Вам так сказал ваш директор или так решили вы?

Ася вышла на лестничную площадку между 13-м и 12-м этажом, чтобы никто не смог услышать их разговор.

– Это имеет значение?

– Да. Мне важно понимать, согласны ли вы работать по моим правилам или будете создавать мне проблемы?

– Постараюсь не создавать проблем. Это ваша работа, и сделайте ее хорошо, – теперь уже убеждал ее Андрей.

– Я рада. Но пока не понимаю, почему вы так... – не договорила она.

– Потому что мне это интересно.

– Ну, ок... – протянула Ася. – У нас есть три недели для создания фильма. Две для съемок и неделя на монтаж. Предлагаю начать... послезавтра. Сегодня сяду за сценарий, завтра предлагаю созвониться обсудить. В четверг нам надо будет ехать в Брянск, там мне надо 3–4 дня, потом Москва и театр. У вас планируются какие-то гастроли? – вспомнила она, что разговаривает не сама с собой.

– Я не готов все бросить и сниматься в четверг.

– Вы обещали не создавать проблем. У нас мало времени.

Андрей глубоко вздохнул, выключил аварийки и, посмотрев в боковое зеркало, выехал на проезжую часть.

– Договорились! Завтра жду сценарий.

– Пришлите паспортные данные, закажу билеты.

– Можно просьбу?

– Какую?

– Отдельное купе, можно?

– Без проблем. Я завтра позвоню.

Закончив разговор, Ася подняла голову к потолку и завещала от счастья.

Конечно, мысли-стикеры с записями «кто тебе сказал?», «ну кто тебе сказал?», «кто придумал...» играли злую шутку с глазами и застилали реальность. «Надо перестраховаться, – твердил „диктор“, – если снимать, то снимать тех, кто помнит, в каком классе у Андрея Вячеславовича стал пробиваться пушок на щечках». Ася понятия не имела, что кроется в черном ящике знатоков, но понимала главное – рыльце-то в пушку. Рыльце было в ее руках, а вот пушок надо было найти у того, кто помнит «начало» народного артиста.

В редакции кипела работа. Как будто облачком из мультфильмов висело над головами редакторов фраза последней пятилетки – «Я шеф-редактор!». Для пушей убедительности оставалось только поверить в визуализацию и поставить на заставку компьютера Шеф Шефов.

Работа в Останкино всегда начинала кипеть после че-

тырех вечера, когда кофемашина переставала издавать звуки, все разговоры «о личном» иссякали, и наступало время звонков. Бесконечных звонков. Безумных звонков. Не всегда нужных, но всегда срочно-важно-прямо сейчас! Когда «обычные» люди идут с работы, «останкинские» кипят. Иногда Асе казалось, что эту работу придумали специально для нее с ее пристрастием спать до обеда и до полуночи сидеть над сценарием. Иногда вообще можно было не уходить с работы, что еще более увлекательно. И завтра тоже можно было не уходить и спать, свернувшись калачиком на диване в кабинете шефа или свободной гримерке. Это в лучшем случае. В худшем – уместиться на подоконнике рабочей монтажки, завернувшись в плед, чтобы из-под рамы не задувало.

Каждый нормальный редактор, задержавшийся на телевидении больше трех лет (с теликом – как с любовью), обязательно должен был пройти боевое крещение героем. У кого-то это был гермафродит из Забайкалья, у кого-то мальчик с четырьмя глазами, у кого-то скандальная, непобедимая, несокрушимая пьяная, никому не известная певица, а у кого-то – та-да-дам! – Иван Ургант – это был тот еще... иногда казалось, что проще затащить на программу труп, чем ведущего. У Аси как раз был телеведущий. Но после съемок Ивана Андреевича она поняла, что может все.

– Алло, да... у вас есть труп? Не криминальный... ну зачем тогда он нам, если он без истории... – Вера бросила трубку.

– Нежданчик! – расхохоталась Ася.

– Друзья попросили помочь, ищут мегаисторию для программы.

Редакторы прирастали к телефонным трубкам и начинали жить жизнью своих героев.

– Я не могу дозвониться до кладбища! Говорю же, они там все умерли! – продолжала кричать в трубку Вера.

Марго встала со стула и закрыла жалюзи.

– Варь, включи свет, – попросила она.

Варя подкатилась на стуле к выключателям, и комната наполнилась желтым светом.

– А у вас анорексичек нет случайно? – обернулась Вера.

– Есть одна, но у нее 47 килограммов, – вспомнила одну из бывших героинь программы Ася.

– Жирная, – задумалась Вера.

Варя прокатилась до кулера:

– Я сейчас общалась с одной типа звездой. Господи, кто им закладывает в голову, что они вообще талантливые?

– Кто-кто! Мамы в детстве, – бросила своих криминальных героев Вера. – Там же половина поет под полный плюс, а вторая половина играет в кино с миллиардом дублей. Режиссеры плачут, монтажеры негодуют, а он – звезда.

– Нет, ну люди же решают, – вмешалась Ася.

– Если бы они что-то решали! – Варя докатилась до своего места. – Это решаем мы, что покажем, то и будет популярно. Я года три назад на лекцию Познера ходила, она начиналась

с жопы обезьяны на экране. Он сказал, если ее постоянно показывать, то людям рано или поздно это понравится.

– Да неужели мы не можем делать что-то стоящее, что-то значимое? Что-то полезное, в конце концов! Раньше у Невзорова, у Листьева такие проекты были... – возмутилась Ася.

– А сейчас Картозия, Кривицкий, Такменёв... Чем тебе не продюсеры? – вмешалась Марго. – У нас люди не будут смотреть то, что смотрели в начале 90-х!

– В начале 90-х был балет! – засмеялась Варя. – Видимо, я задела за живое! Вот у вас есть шанс проявить себя, сделать что-то стоящее. А то я разговариваю с этой недозвездой, и у меня желание – помыть ей голову и взять на стажировку на исходную перед студией героев водить! Но только чтобы не пела!

– Как хорошо, что наши герои не знают, о чем мы говорим. Ася открыла Word и ввела «Начало».

– Если я назову свой фильм «Начало», он зацепит зрителя?

– Начало чего? – переспросила Вера.

– Начало зарождения артиста. Андрей Ковальчук. Начало. Мне нравится.

– А теперь попробуй сделать это «Начало». Мне кажется, Ковальчук геморройный, – скривилась Марго.

– Ты просто мне завидуешь.

Ася постучала пальцами по клавиатуре и вставила в файл

таблицу. Однажды у нее была шеф-редактор, которая все просила делать в таблицах и чтобы запятые были там, где должны стоять. На ответ Аси: «У меня авторская пунктуация», – шеф-ред злилась и кричала, что проще научить работать обезьяну. За это на день рождения редакторы подарили ей Молли, крошечную макаку.

– Было бы чему. Вот посмотришь, с самого первого слова твой сценарий подвергнется правкам. Это не то, это не это. Он что, тебе будет про свою жену покойную рассказывать? Вряд ли! – злилась из-за упущенной возможности Маргарита.

– А что с ней случилось, кстати? Я когда к интервью в студии готовилась, не придавала значения, он все равно бы не рассказал, а тут стоит...

– Она, кажется, погибла в автокатастрофе шесть лет назад, – вспоминала Маргарита.

– Не кажется, а точно, – вмешалась Варя, – я была там. Они познакомились еще в Брянске. Она актриса была, потом ушла из профессии. Андрей долго мотался между городами, в конце концов забрал ее в Москву. Она пиарщицей работала в агентстве Сапронова – сейчас он директор Ковальчука. Это было еще лет 15 назад. Мы с ней познакомились на какой-то премии, Андрей тогда только-только становился популярным. Она ему всегда на съемки пирожки привозила, такие милости-приятности. А он тогда решил, что очень классный, ну как эти все, кому мама сказала, что «ты у меня

самый лучший», и он во все тяжкие – корпоративы, дни рождения, тусовки какие-то. Бухал как черт. А потом в прессе написали, что у них с Маринкой не клеится...

– Ты пустила? – перебила Ася, пытаясь пошутить, но шутка попала в яблочко и расколола его на две части.

Варя опустила глаза, прикусила губу, но ответила честно.

– Я пустила, и мне за это стыдно... В общем, была зима, у Андрея съемки «Марионеток», заканчивали снимать. Работу скрывали от журналистов, готовились к фестивалям. Снимали где-то под Москвой, в сторону Дмитрова, в лесу. Марина поехала к нему, за ней поехал Наумов. Обогнал, занесло, его машина в кювет, Маринкина вылетела навстречу. Насмерть. Оба. Андрей не знал об этом. Он после съемок поехал бухать, отключил телефон, или он сел у него, не знаю, в общем, он утром из новостей узнал. Я снимала, – на одном дыхании сказала последние слова Варя.

– Охренеть!.. – Ася растеклась по креслу. – Это же огонь, а не история.

– Это очень грустная история. Именно поэтому я никогда бы и не хотела снимать Ковальчука.

– Я помню эту историю, но не думала, что ты к ней причастна. А Наумов? – прошептала Вера.

– А Наумов это кто? – перебила Ася.

– Наумов – мой первый муж, – ответила Варя и опустила глаза.

– Охренеть, – повторила Ася. – Прости. Интересно, он

расскажет про это?

– Как сработает, – подвела черту Варя. – Сходи к Юре Самсонову, он из Брянска, много баек про Ковальчука знает.

– Монтажер Юрка?

– Да, он то ли сам учился с ним, то ли кто-то из его друзей.

Не помню. Мы как-то ночью на монтаже сидели, и он стал рассказывать про Ковальчука, я рассказала ему свою историю, и так, пока не прибежал Троцкий и не стал кричать, что мастер надо срочно сводить по звуку. Дальше все как в тумане, дальше ничего не помню, – криво улыбнулась Варя.

Ася тут же схватила телефон, блокнот и вышла из редакции.

– Спасибо, Варь, – успела она сказать в захлопывающуюся дверь.

Андрей зашел в театр через служебный вход и, махнув головой охраннику, пошел вдоль длинного плохо освещенного коридора к гримерке с табличкой «Ковальчук». Все это время в кармане вибрировал телефон, но он, как обычно, не придал этому особого значения. Бесконечно бурчащая трубка не часто поднималась, и только когда он увидел уставшее лицо Олега в гримерной, опомнился.

– Ты звонил, наверное? – он достал телефон и посмотрел на экран.

– Звонил, Андрюш! – строго сказал директор и встал из кресла. – Ты проходи.

– Ну спасибо, – Андрей прошел осторожно, ожидая подвоха. – У меня спектакль через час, пора бы.

– Не хохми, – в голосе Олега послышалось раздражение. – Андрюш, ты мне скажи, что ты делаешь? Почему я не знаю, что происходит в жизни моего артиста? Почему я от левых людей узнаю, что ты решил сняться в каком-то документальном кино, а до этого в какой-то программе? Ты поговорить хочешь? Тебе пресс-конференцию устроить? Что происходит? – Олег сел на комод напротив Андрея.

– Все хорошо, Олеж. Я знаю, что делаю. Меня утвердил Костя. Пусть это будет напоминание обо мне зрителям, – улыбнулся он коронной улыбкой.

– А, так о тебе весь мир забыл?! Ковальчук, на твои спектакли за полгода билеты раскупают!

– Кстати... Отмени, пожалуйста, спектакль в пятницу. Я уеду.

– Ты издеваешься?! Что я Олегу Евгеньевичу скажу? – глаза Сапронова округлились.

– Скажи, что у меня важные съемки или я заболел.

Андрей повернулся к зеркалу и достал грим из шкафчика.

– Какие на хрен съемки?! Важные съемки у тебя в кино, а то, что ты снимаешься для телика, это так... Олег Евгеньевич примет только одну причину отмены спектакля – твою смерть! – жарко жестикулируя, негодовал директор.

– Это очень важно, Олеж. Мне надо.

– Ты меня поражаешь, Ковальчук!

– Расслабься, Сапронов, все идет как надо, – Андрей провел по лицу кистью. – Лучше гримера позови, а то я сейчас такого Воланда нарисую, дети из зала выбегут.

– Смотри, не сделай из себя артиста на распятые.

– Это как? – улыбнулся в зеркало Андрей.

– Это когда ты с Бузовой петь Высоцкого начнешь на дне рождения нефтяного магната в бане под Уренгоем. Это дешево и не важно.

Олег хлопнул дверью и зашагал в сторону служебного выхода.

Андрей пока не понимал, на что идет и верно ли поступает. Но где-то внутри, под ребрами кто-то маленький колотил молоточком и твердил: «Попробуй».

План съёмки

Ася залетела в 17-ю монтажку и прыгнула на пустой стул редактора, который всегда стоит рядом с монтажерским. На экране красовались полураздетые актрисы и сайт знакомств. Юрик стал тут же закрывать все вкладки.

– Ты чего так забегаешь?! – буркнул он смущенно.

– А чтобы ты не пялился на телок! – смеясь, она закинула ноги на компьютерный стол. – Короче, можешь не закрывать своих баб, я по другому вопросу!

– Что вы все от меня постоянно хотите! Лучше бы нормально титры научилась писать, все время ошибки делаешь! – бурчал Юрочка.

– Ну простите, Юрий! Буду исправляться, – Ася откинулась на спинку стула. – Ты, говорят, из Брянска?

– Что тебе надо от города-героя, ты и его опохабить хочешь, как и все, что ты делаешь?

На экране появилась монтажная секвенция, а на просмотровом экране – лицо Ковальчука.

– Ты монтируешь мою программу? – удивилась Ася.

– Сразу видно, твоя. Корявые вопросы, – продолжал он нудить.

– Ну, не бурчи, – она похлопала его по плечу. – Я хочу снять кино про Ковальчука, он тоже из Брянска, а я совсем ничего не знаю про этот город.

– Брянск – это город Российской Федерации, основан в 986 году, первое упоминание...

– Прекращай! Что ты знаешь про Ковальчука?

Юра нахмурился:

– Ковальчук – известный артист. Как актер хороший, как человек говно... так мне рассказывали.

– Если жопку обезьяны все время показывать, то и она будет нравиться.

Ася достала из кармана телефон и проверила переписку в общей группе в WhatsApp. Там были предложения от Марьяны и бесконечные «нет» от Казанцева. Ася убрала телефон, отложив на потом разговор с креативным.

– Не соглашусь. Он талантливый артист. Правда талантливый. Но за талантом всегда прячется ящик Пандоры.

– Местная достопримечательность?

– У нас еще жили Тютчев и Ксюша Собчак.

Юрик встал со стула, взял с системного блока бумажник и вышел из монтажки, Ася последовала за ним.

– Тут у стен уши-локаторы, потише. Если кто узнает, что ты «звезду» собралась снимать, с тебя же приживалки-скандалисты не слезут, – бубнил он себе под нос.

– Хорошо. Спасибо. Учту. К кому я могу приехать в Брянске, на ноги открыть дверь и получить невероятно эксклюзивный синхрон¹⁴ про моего артиста? Мне необходимо срочно удовлетворить профессиональный интерес – алкоголь, кри-

¹⁴ Изображение говорящего человека, сопровождаемое звуками его речи.

минал, женщины.

– Эх... – выдохнул Юрий и свернул в курилку. Он молча закурил, посмотрел по сторонам, потом опять заговорил чуть ли не шепотом:

– Ковальчук – мерзкий тип. Он учился в училище с моим дядькой, потом бросил и уехал поступать во ВГИК.

– А жена его, кто она? Она же тоже из Брянска, да?

– Жена его... она в театре играла, тоже типа талантливая, он ради нее бросил бабу. Поженились они. Прожили с ней несколько лет. Она работала в пиаре, кажется, потом не задалось, и все бросила. Любила его, а ему как-то было по барабану. А потом умерла она. Не знаю как, не вникал. Варька что-то рассказывала, не помню. Спроси у нее. Хотя ты должна была сделать это в первую очередь! Но ты же редактор, ты не догадаешься, – продолжал язвить он. – Бухал много, когда учился в училище. Есть дядька в педухе, щас там преподает, они дружили – Плетнёв, кажется. Это надо с моим преподавателем поговорить. Я в БИТМе учился, я тебе, хочешь, телефон дам? Только не говори, что я, а то он меня недолюбливал, я был слишком талантливым.

Он затушил окурок и пошел обратно в сторону монтажки. Ася засемила следом.

– Есть одна знакомая, Томка, мутила с Ковальчуком, потом не мутила. Там непонятная история какая-то. Думаю, ей есть что рассказать... Говорят, он прикольным был, но противным. Потом его исключили из училища, потому

что пьянь. Был какой-то криминал, но кто в 90-х не грешил, – расхохотался Юрик впервые за разговор. – Один его знакомый бандюган жил недалеко от моей бабули. Его потом посадили.

Они дошли до монтажной, и Ася встала напротив кресла монтажера.

– А дай телефончики этих прекрасных людей.

– Но ты помнишь, что я работаю на благо программы, а не для того, чтобы тебе было проще. И даю тебе телефоны не чтобы помочь тебе, а чтобы помочь программе.

– Юр, Юр, я ж редактор...

– Вот именно! Вас понабирают, а потом мучайся с вами.

Вы даже кино нормальное не смотрите! Что ты из последнего хорошее смотрела? «Горько-185»? Правильно, нет такого кино. То есть кино есть, но такого кино быть не должно, оно же не вечное. Вечное – это когда на все поколения!

– Не-е-ет, Юрочка, ты уж не трынди по поводу «Горько», я Крыжовникова помню, когда он еще Першиным был и «Елки» с Булановой и Аллегровой снимал. Он крутой! – она даже растерялась от наглости монтажера-зануды.

– Эх ты! Лучшее кино то, которое ты снял сам!

– Я снимаю только, как собаки жрут обувь на свалке у моего дома, – вспомнила Ася одно из последних видео в своем телефоне.

– Тебе это нравится?

– Меня это вдохновляет на работу.

– Нет, ни в коем случае не смотри кино, оно уьбет твое вдохновение.

Он вернулся к своим телочкам на экране монитора.

– Благодарю... – она пробежалась по телефонным цифрам, чтобы убедиться, что они одиннадцатизначные и Юрий не попытался обмануть. За монтажером были замечены странности – не дописать номер телефона или не поставить первую цифру. Эти действия он называл «шуткую». «Я шуткую над тобой» – странное словообразование.

– Ты программу принимать будешь? – он нажал на «плей», и Ковальчук с экрана посмотрел киношным взглядом исподлобья и медленно зашевелил губами.

– А почему рассинхрон¹⁵? Где звук? – испугалась Ася.

– Не паникуй, я просто его отключил! – буркнул Юрий. – Иди уже. В среду готов сдавать.

– Я буду в Брянске, примет Марька.

Ася спрятала листочек с телефонами в карман и вышла из 17-й.

Спустилась с 3-го этажа АСК-3 и прошла через подземный переход в АСК-1. Обернулась на спешащего Максима Шарафутдинова, в которого была влюблена две недели и две недели смотрела ночные новости Первого канала, как будто бы за вечерним чаем обсуждала с ведущим прожитое за день. А потом она его разлюбила. Навсегда. И он так и не узнал о ее влюбленности. Хотя когда новостник пробе-

¹⁵ Отставание звука от видео.

гал мимо, где-то под ребром ёкало. Так, на мгновение.

Ася поднялась на 12-й этаж и зашла в уже пустую редакцию. Она открыла общую группу в WhatsApp, и из нее посыпались бесконечные сообщения про то, что «срочно», «сейчас», «важно», «зайти», «к Казанцеву».

– Началось, – выдохнула Ася.

Она залетела в переговорку, села на крайний стул у выхода и замерла.

– Явилась! – встретил ее Казанцев.

– Ась, мы обсуждали твой фильм. Это должна быть бомба, – возбужденно заговорила Марьяна, – зритель должен писаться от удовольствия.

– Иначе зачем снимать программу? – продолжила Ася.

– Вот именно! – подтвердил свою значимость Казанцев и посмотрел на всех четырех редакторов и Марьяну. – Мне завтра нужен сценарий!

– Саш, но ты же понимаешь, что это не будет сценарий, каким он должен быть! Это будет сценарная заявка с расписанными предложениями. Как у нас пойдет с Ковальчуком, я не знаю.

– Я хочу сценарий! – раздражался креативный продюсер.

– Мне кажется... – начала было Ася, но одернула сама себя, чтобы не нагнетать и чтобы гнев всех продюсеров не упал на ее светлую и пушистую.

– Короче, эфир 21 октября. Если мы не сдаем в срок, мы не сможем выпустить его вообще, потому что кровь из носа

должны выпустить студийку и то, что ты наснимаешь.

– Поняла, – махнула Ася.

– Вот иди и пиши, – скомандовала Марьяна и показала глазами на выход.

Ася тут же встала и с удовольствием вышла на свободу из переговорки, в которой Зевс-громовержец метал во все стороны молнии и бил током Марьяну за ее некреативность, нежелание ему помогать и просто за то, что она существует.

«Тут ад. Пиши» – прочитала она сообщение от Марьяны.

«Держись!» – ответила Ася и пошла в сторону редакции.

Она остановилась в центре коридора и представила, как если бы шла ускоренная съемка, как цейтрафером¹⁶. Мимо проходили люди, менялся цвет стен, времена года за панорамным окном, а она продолжала стоять.

– Ась! Уснула?

Она повернулась и увидела Гарика, выпускающего режиссера грустной программы про отношения.

– Снимала.

– Что снимала? – спросил Гарик, наклоняясь, чтобы поцеловать.

– Цейтрафером коридор снимала.

Она поцеловала в ответ.

– Меньше работай, – улыбнулся Гарик и пошел прямо вдоль Асиной камеры с голубыми линзами.

¹⁶ Ускорение видимого на экране движения.

Андрей припарковался у подъезда и через лобовое стекло бросил взгляд на девушку в белом.

В подъезде поприветствовал консьержку, вызвал лифт. Вставил ключи в замочную скважину, открыл входную дверь. Выдохнул. В этой квартире можно было вдыхать полной грудью. Сюда он возвращался дышать.

Восемь лет назад они с женой купили свою первую квартиру в самом центре Москвы, светлую и просторную. Здесь они планировали завести детей, а потом купить дом. Но когда Марины не стало, не стало и Андрея. Исчезли мечты, планы, жизнь. Как будто часы остановились на половине десятого вечера 9 декабря 2010 года. И точка.

В квартире пахло пустотой и застоявшимся запахом табака. Жена запрещала курить дома, сейчас было все равно. Ему давно уже было все равно. В одно утро жизнь поделилась на «до» и «после». В том, что было «до», было спокойно и по-настоящему. Сейчас он был один и никому не нужен, несмотря на то, что пресса рвала его на части, поклонницы поджидали после спектаклей, а режиссеры бились за возможность снять в своих картинах. Но он не хотел быть нужным всем, он хотел быть нужным одному человеку. Именно такого человека он потерял шесть лет назад.

Скинув мокрые туфли в прихожей, он прошел в спальню и, не снимая одежду, упал животом на мягкую кровать. С минуту рассматривал пол темной комнаты, свесив голову. Потом встал, подошел к окну. Осенний дождь барабанил

по стеклопакету и жестяному подоконнику. Если закрыть глаза, то можно услышать, как шумят деревья и лают собаки. С открытыми глазами таких мелочей не замечаешь, но как только что-то убираешь, обязательно что-то находишь. Вот и сейчас Андрей слушал, как осень командует за окном. Как будто ввела конвой, чтобы обезопасить огромный город от тех, кто желает сбежать из этой суеты.

Он давно уже привык быть один, быть не одиноким, а наедине с собой. Привык, что его никто не ждет и ему не нужно никому звонить и говорить, где он и с кем. После потери жены единственной заботой была собака Крис, которую нужно было хотя бы кормить и выгуливать. Но вот уже полгода, как не стало и собаки. И тогда стало вообще все равно нулю. Работа не доставляла удовольствие, жизнь не жилась.

Раз в неделю приходила Лиля, домработница из Уфы, чтобы поддержать чистоту в квартире. Как говорил Андрей: «Чтобы черви по дому не поползли».

Только через год после смерти жены он научился спать один. Это давалось очень тяжело, но постепенно он стал забывать ее запах, стали стираться из памяти черты ее тонкого лица, и он стал быть без нее. А раньше казалось, что всю жизнь и до гробовой. Нет... все лучшее заканчивается мгновенно. Ему не хватило этой женщины.

Андрей коснулся подушки и стал слушать с закрытыми глазами, как ходят по потолку соседи, а потом провалился в сон.

Проснулся рано. Щурясь от тусклого света за окном, повернулся на другой бок. Но заснуть больше не удалось.

Опустил руку под кровать и, нащупав компьютер, подтянул его к себе. Открыл почту и стал читать письмо от директора. Письма для него всегда были ужасным испытанием. Он дотянулся до телефона на прикроватной тумбочке и набрал номер Олега.

– Привет, получил письмо. Расскажи, что там.

– Это Костя прислал. Сценарий, – ответил встревоженный Олег.

– Я могу править?

– Ты в своем уме? Сценарист Кира Лентова. Тебе руки отхреначат, если ты хоть одну запятую уберешь.

– Я могу поговорить со сценаристом?

Достав из кармана джинсов, валявшихся на полу, пачку сигарет, лежа закурил, сбрасывая пепел в кружку с двухдневным кофе.

– Сейчас кину. Только будь с ней тактичен, она «особенная».

– «Особенная»? – рассмеялся Андрей.

– Просто будь с ней мил, – попросил Олег и крикнул кому-то на пешеходном переходе.

– Буду.

Утверждение съёмки

Ася посмотрела на часы и зажмурилась – половина девятого утра. Запах табака не успевал выветриться из комнаты. Дважды пытаясь вздремнуть, она тут же открывала глаза и снова начинала писать.

«Бинго!» – прозвенел будильник.

– Да не сплю я, не сплю, – пробурчала девушка, скручивая гульку на голове.

Ася трижды нажала на кнопку сохранения файла, чтобы уж наверняка, и распечатала текст. Отправила сценарий Марьяне и Казанцеву.

«Если не спишь, посмотри срочно почту. Сегодня встречаюсь с Ковальчуком», – отправила она смс шеф-редактору, и тут же раздался ответный звонок.

– Не ложились? – прошептала сонная Марьяна.

– Я еще в «Стакане». Ты бы видела, какой сегодня был рассвет сказочный, – воодушевленно щебетала Ася, заправляя картриджем кофеварку.

– А сценарий сказочный? – не унималась Марьяна.

– Посмотри на почте. Внеси правки, и я бы сегодня с ним встретилась.

– Я не хочу, чтобы ты ему показывала все, что хочешь снять. Не показывай жену, наведи на разговор об этом, хотя нет... оставь жену, но не акцентируй... ты рехнулась – про

отца? Они не общаются уже лет двадцать! Спрячь это все в свою скрытку¹⁷.

– Ты мне дашь скрытку? – удивилась и напряглась Ася.

– Хочешь, две дам?

– Я не хотела бы выкручиваться... Врать – да, выкручиваться – нет. Просто когда я начну выкручиваться, он сразу поймет, что я вру, а когда я вру, он не поймет.

– Тебе бы поспать.

– Мне бы молочка, а то пить голый кофе – шок для сердца.

– В холодильнике на кухне посмотри, я оставляла вчера, за банкой с вареньем, там еще пакет с вешенками был.

– Чего только нет в вашем холодильнике! – Ася с чашкой кофе направилась в сторону рабочей кухни.

– Я бы еще убрала про этого друга, ты же можешь снять его, а он и не узнает. А потом в эфире – оп! – и случайно получилось.

– Думала и об этом. А если он скажет, что хочет монтировать вместе со мной? Я же вздернусь и буду писать тебе гневные эсэмэски из монтажки.

– А чтобы нам не допустить такого конфуза, мы заключим с ним договор, в котором пропишем, что он дает нам свое согласие на создание фильма, на использование видео, фото и всего того, на что мы имеем право.

– Но это не забирает у него право присутствия на монтаже! – Ася вылила последние капли молока из пачки и кинула

¹⁷ Скрытая камера.

ее в бак с мусором. – Тут так воняет из холодильника.

– Никто же не додумался помыть, а меня там все время тошнит. Ну так вот! Скажешь, что создание фильма – это ювелирная работа, что отдадим посмотреть предмастер за неделю до эфира, но потом срочно эфир поставят через два дня, и нет времени смотреть, вносить правки, надо срочно сводиться по звуку, отправлять на канал, выгоняться, просчитываться – и так до бесконечности можно сыпать профессиональными терминами, пока он не скажет: «Делайте что хотите!» А договор у нас.

– А потом суд?

– Не ты с ним договор подписываешь, а компания. С тебя взятки гладки. Если что, я буду рожать с вами в зале суда.

– Ловлю на слове. Давай сейчас подтвердим договоренность и подпишем ее кровью, – Ася тут же нажала на телефоне диктофон, чтобы записать слова шеф-редактора. – Я вру, мы снимаем фильм-огонь, и пусть артист идет лесом, верно?

– Верно! – подтвердила Марьяна. – Нам нужны рейтинги, мне на замену нужен толковый шеф-редактор.

– Окей. Пойду наберу артиста.

– Когда обсудите, дай знать, что решил.

– Позвоню...

Ася положила трубку и сделала глоток кофе с молоком, чтобы сердце порадовалось облегченному варианту. Она отредактировала по правкам шеф-реда текст и еще раз отправила Марьяне и Казанцеву, которые ничего в ответ не при-

слали.

Ася выждала двадцать минут и набрала Андрея. Протяжные гудки – раз, два, три, четыре... Она отключилась.

– Спит артист, – прошептала она и свернулась калачиком в кресле. Прикрыла глаза и засопела.

В голове крутились слова-словосочетания. Мысли и картинки. Ася всегда думала картинками. Если дни недели, то школьный дневник с расчерченными днями недели. Если мысль о мужчине, то сразу же она в белом платье с букетом пионов на Фиджи. Если отпуск, то как будто вид с квадрокоптера, летящего над горами Грузии. Если съемки кино, то только важные, значимые, красивые места и обрывки интервью, собранного в монтажной линейке.

Сквозь сон Ася услышала пиликанье телефона. Звонила Женя.

– Что? – протянула она в трубку.

– Я даже не буду спрашивать, где ты была всю ночь, явно не у мужика! – начала бодрая Женька. – Тебе не кажется, что ты слишком много времени уделяешь работе?

– Кажется... – шептала она сквозь сон. – Я же правлю миром, Жень.

– То есть человек, с которым я живу, правит миром? – рассмеялась подруга.

– Я правлю умами аудитории своей программы.

– Тебе нужна бейсболка с надписью – демон! А-а-а! – крикнула она.

– Что случилось? – тут же проснулась Ася.

– Какой-то мудака чуть не сбил на пешеходе!

– Напугала. Чего звонишь-то?

– Долбится кто-то с утра в дверь. Я открываю – участковый. Говорит мне: «Покажите ваши документы», я ему, как ты учила: «А вы свои покажите?» Он: «Вообще-то я участковый», я ему: «А вообще-то вы в моей квартире». Ну, в общем, долго мы болтали, и тут он говорит, что какая-то соседка, которая знала нашу хозяйку, рассказала ему, что мы снимаем квартиру. А это незаконно, и хозяин должен в налоговой отчитаться за нас. И еще спросил, живут ли у нас азиаты. Я сказала, что каждое утро встречаю их в зеркале. Не помогло. А потом позвонил Михалыч и сказал, что его вызвали в участок, потребовали документы из налоговой, а он не платит, и чтобы загладить все мирно, он предложил нам поднять кварплату.

Женя ждала криков и отборного мата в стиле «Ленинграда», но Ася отреагировала спокойнее спокойного:

– Мне нужны деньги. – прошептала она, – я купила маме стиралку и на этом закончилась.

– Он хочет на десятку больше.

– Он с ума там, что ли, сошел! Да в его двушке только мы и пара азиатов смогут жить, и то если им разрешат жечь костер посреди кухни. Там вся «ИКЕЯ» сыпется у нас, – простонала Ася.

– Я ему тоже об этом сказала. А он ответил, что если нам

не нравится, то можем искать другое жилье.

– Ничего другого искать мы не будем! Это геморрой. Нам просто надо больше зарабатывать, – констатировала Ася.

– Я тут как раз увольнялась... Но пока не буду. Ковальский говорит, что я неплохой специалист.

– Еще бы! – поддержала Ася. – А я тут шефом решила стать. Думаю, пора.

– Видимо, да, – зашипела от помех на линии Женька.

В трубке раздались параллельные гудки.

– Я перезвоню, Жень. Ковальчук...

Она сбросила подругу и ответила артисту.

– Доброе утро! – радостно выпалила в трубку.

– Здравствуйте, Ася. Звонили?

– У меня сценарная заявка готова, хочу показать.

– Пришли на почту. Посмотрю.

– Надо чтобы вы посмотрели как можно скорее, чтобы я могла заказывать билеты в командировку.

– Заказывай.

– Вы согласны на все?

– На что не согласен, подкорректируем!

– Жду ваш ответ и паспортные данные.

– Эсэмэской кину. Берите на завтра на вечер, чтобы в четверг утром быть в Брянске. В четверг, пятницу, субботу снимать...

– Я смотрела ваше расписание, у вас в пятницу... – не договорила она.

– Был спектакль, – подхватил Андрей, – его отменили, поэтому соглашаюсь ехать, пока есть свободное время.

– Не раскупили билеты? – недоумевала Ася по поводу отмены спектакля, на который она не могла попасть уже несколько месяцев. – Странно.

– Вы помните, мне купе! – ушел он от ответа.

– Помню.

– Все, я опаздываю, до связи.

Ася положила трубку и на секунду замерла. Потом набрала номер телефона театра.

– Здравствуйте! Скажите, вот у меня билеты были на пятницу на «Мастера и Маргариту», а мне сообщили, что спектакль отменен. Что мне делать?

– Да, отменили, к сожалению, но вы можете обменять на другой или на этот же спектакль, но в другой день, – приветливо ответила администратор.

– А что-то случилось с артистом говорят, правда?

– Не знаю, художественный руководитель отменил, сказал извиняться перед каждым, кто сдает билеты.

– Сильно злился, наверное, Олег Евгеньевич, так подвели его артисты, – продолжала Ася, – мне кажется, у Ковальчука уже не впервые такие выкрутасы.

– Мы такой информацией не обладаем.

– Спасибо вам огромное, приду сегодня билет обменяю.

Ася положила трубку и спрыгнула со стула:

«Блин! Режиссер или актер, актер или режиссер?» – недо-

умевала Ася. Она не понимала причину отмены спектакля, на который пытается попасть вся страна.

Прыгнула на подоконник и закурила.

«Закружилась, – почувствовала она вихрь в голове, – давление».

И хоть ей всего 27, давление иногда било под колени. Однажды ее скрутило прямо на съемке. Где-то под сердцем закололо, и она присела на край технического кофра, в котором обычно возят крепления для декораций. А Лариса Гужеева так и оставалась стоять перед камерой и поздравлять всех с новым 2015 годом. А потом были три дня госпитализации и скорое восстановление, ведь «там же эфир скоро».

Ася присела в рабочее кресло и глубоко вдохнула. Она представила, как было бы круто, если бы она снимала фильм про внутренние органы, и первый кадр был бы как раз человека, у которого схватило сердце или неврология. И тут камера внедряется в организм через глаза, скорее всего, а потом графикой можно показать, как камера летит к пораженному органу.

В компьютере что-то дзинькнуло, и Асе пришлось прийти в себя быстрее. Она посмотрела на экран: светилось выделенное письмо от Андрея Ковальчука. Девушка медленно подняла правую руку, чтобы было не так больно, и открыла файл.

«А чем же вы хотите завлекать зрителя, если у вас нет даже крутых поворотов? Давайте чем-то разбавлять, Ася, а то

зритель уснет... Жена – нет! А где же мой отец? Все хотят поговорить, а вы нет? Я готов рассказать. Он – мой крутой поворот в жизни и истории, но снимать его не стоит, он плохо говорит. С мамой поговорите сами, она меня не слушает. Смотря что спрашивать будете, так и реагировать будет. Смотря что вы хотите снять в театре. Да, я там играл... ну сходим. В целом неплохо. Перепишите подводки. Скучно. Я так не говорю. Пришлите билеты».

«Да ешки-матрешки, ты что, ЧЕХОВ – подводки его не устраивают! Разбавлять? Ковальчук! То есть про жену ты не говоришь, а повороты хочешь?! Да про тебя и разговаривать не о чем!»

Ася переслала письмо Казанцеву и Марьяне. Следом пришла эсэмэска от шефа: «Зайди».

Ася тут же, забыв о боли под ребром, поспешила к креативному. Глубоко вдохнула, чтобы прийти в себя, и вошла в кабинет.

– Успокойся, Одинцова. Сядь, – Казанцев указал на стул напротив. – Это не страшно... – медленно заговорил он. – Ты ведь дала ему только разработку?

– Естественно, только разработку, я что, паларешная, давать ему читать, что я действительно от него хочу?

Она знала, что креативный всегда на ее стороне, несмотря на то, что иногда рвет при ней ее сценарии, разносит в пух и прах на планерках эфирные программы и ругает за куре-

ние.

– Это хорошо, – Казанцев задумался, а потом продолжил: – Пусть он пишет что хочет, хоть сценарий к «Титанику» напишет, мы все равно будем снимать то, что нам нужно, с его помощью, конечно.

– Фух, – выдохнула Ася, – я думала, ты скажешь, что все пропало!

– Пусть пишет, а мы пойдем, чем его можно задеть. Ты же понимаешь, что нам бы все самое сладенькое, как маскарпоне в «Тирамису». Вот ты узнай побольше, пообзванивай его бывших учителей...

– Он раньше жестко бухал...

– Отлично! Это уже лучше... откуда узнала?

– От племянника мужика, с которым учился Ковальчук.

– Хм, Васькин бабы сестры мужик, я понял, – улыбнулся Казанцев. – Поищи еще что-нибудь и, когда будешь в Брянске, обязательно найди людей, с которыми он пил, женщин, с которыми спал. Ищи, Одинцова! Времени мало. Только пиши мне, я хочу знать все твои передвижения. Нам нужно понять, почему белые кролики воюют против серых великанов... – задумался он.

– Мне кажется, Казанцев, раньше ты был человеком.

– Ась, мы тонем, – прошептал он, – нам пора чем-то бомбить. Веди себя уже как стерва!

– Какая из меня стерва? – она подняла глаза на начальника.

– Вижу – никакая! – махнул он и откинулся на спинку стула.

– А как же репутация?

– Любой скандал всегда на руку, – он хлопнул в ладоши, ожидая поддержки. – Покажи ему, что он тебе нравится, он поведется и...

– Не умею я, Саш, заниматься всей этой бабской фигней. Я работать умею. Много.

Саша промолчал, но многозначительно выдохнул.

– Не любой, Саш, скандал на руку, не любой...

– Блин, да знаю я! – вдруг крикнул он, встал со стула и подошел к двери, закрыл ее на ключ и закурил.

– Ты же не куришь?! – удивилась Ася.

– Никому не рассказывай, – он коснулся ее губ указательным пальцем. – Никому не говорил, Ась, не могу молчать! ОН, – показал он на этажи ниже, – сказал, что жить осталось месяц максимум! Если твой фильм не взорвет эфир, нас разгонят.

– Не разгонят, мы в штате!

– Херате! Пойдешь в «Мире животных» работать, будешь снимать, как белочки сношаются.

– Можно снимать, как они носят орешки! – стараясь быть спокойной, сказала Ася.

– Я тебя прошу, отнесись к этому фильму серьезно. Мне важно, чтобы ты не думала о том, что есть репутация, что есть рамки. Сейчас уже ничего нет. Сейчас есть рейтинг! Ты

пчела, которая должна принести мед, и этот мед будут жрать продюсеры!

– Мне нужны деньги, Саш, – чуть слышно сказала Ася не для того, чтобы вызвать жалость. Она ненавидела что-то просить, все делала сама. Считала, что если захотят – дадут. Но сейчас эта просьба была действительно важной. Иначе этот старпёр, который приходил каждый месяц за деньгами, мог их попросить покинуть квартиру. А они, помимо всего прочего, были там прописаны. А нет прописки – нет пропуска в «Останкино». Замкнутый круг.

– Сколько? – он выбросил бычок за окно и, нагнувшись над столом, уперся в него кулаками.

– Ежемесячно тыщ на 40 больше.

– Это ставка шефа.

– Значит, мне нужна ставка шефа, – констатировала она.

– Смело... – он повернулся к ней спиной. – Дашь цифру – дам шефа.

Ася не стала отвечать. Она подошла со спины к Казанцеву, встала на тумбу, поцеловала его в темечко, и только после прощания вышла из кабинета.

У них с шефом всегда были особенные отношения. Он был старше ее на 18 лет, но этой разницы не чувствовалось. Он был больше, чем просто шеф, – наставник, гуру, иногда даже друг, когда на очередном корпоративе выпивали по две бутылки вина и ехали петь в караоке.

Саша был телевизионщик старой закалки. Он еще пом-

нил, как Якубович ходил без усов, а этого в принципе никогда не было, но Саша помнил. Его отец был театральным режиссером, а мама – ведущей на центральном телевидении. Так талантливый и красивая слились воедино, и появился Сашка, который с пеленок грелся под осветительной лампой в студии, пока мама писала подводки к программе. Потом родители развелись, и Саша прописался в телецентре. И уже в 16 лет работал редактором у Сергея Супонева в «Классе!». Раньше у Казанцева была забава: он на планерках ставил перед редакторами кубики с буквами, и все на скорость придумывали как можно больше слов. Редакционная забава осталась со «Звездного часа», его почему-то это ужасно умиляло. Он считал, что Супонев был одним из немногих, кто пытался что-то делать для детей и подростков. После того как не стало Сергея Евгеньевича – не стало и программ для детей на центральных каналах.

Дальше, как в «Матрице», Саша летел в будущее, а за его спиной оставались жена – выпускница МХАТа, сын, жена-телевизионщица, которая потом вышла замуж за актера, который потом стал ведущим, который вел у Казанцева, а потом Сашка его уволил, и больше он свою вторую жену не видел. В общем, дни съемок, ночи монтажа привели его в настоящее, в котором он креативный продюсер крутого в прошлом, а ныне погибающего шоу.

Ася вышла из кабинета начальника и глубоко выдохнула,

как будто потеряла двадцать лишних килограммов, которых в ней вовсе и не было. В кабинете уже сидела Марго, которая скрипя зубами писала верстку новой программы.

– Все хорошо? – спросила Ася, падая в кресло.

– Не знаю, – прошипела сквозь ровный строй зубов Маргарита. – Он хочет, чтобы на программу пришел Хабенский.

– Это же нереально, – наклонилась Ася к коллеге.

– Вот и я об этом же! Почему кому-то все лучшее, а кому-то Хабенский? – злилась она.

– Ты сейчас в мой огород строительную плиту зашвырнула? – напряглась Ася.

– Вот почему ты снимаешь Ковальчука? – Марго с красными, припухшими глазами повернулась к таким же красным и припухшим глазам Аси.

– Потому что я с ним договорилась. Дважды. Первый раз, когда он пришел ко мне на студийную съемку и второй раз сейчас. Работа у меня такая – договариваться. – Ответила Ася, удивленная нападками Марго. – А пойдём-ка кофе выпьем, а то ты умрешь тут от злости.

Девушки сидели на первом этаже телецентра и молчали. В коридорах было пусто, как во время Олимпиады-2014, когда все «Останкино» уехало освещать нераскрывшееся кольцо. Девушки смотрели друг на друга и иногда опускали глаза, чтобы проверить, не написал ли им кто-то на телефон. Ни одна из них не знала, с чего начать. Первой заговорила

Марго.

– Ты же понимаешь, что мы боремся за одно место?

Она отставила чашку с кофе и пристально посмотрела на Асю, которая

по привычке достала сигарету из пачки, лежащей на столе, и снова спрятала, вспомнив, что в «Останкино» запретили курить.

– Марго... Мне все равно, кто станет новым шеф-редактором. Сегодня ты, завтра я. Если Казанцев решил, что должны бороться, ну давай удовлетворим его желание, только вот я не хочу, чтобы отношения в коллективе были испорчены. А если победит Варя, что тогда?

– Я семь лет пашу на телике и не хочу отдавать никому это место, – Маргарита провела по ободку кружки указательным пальцем и подняла голубые, почти прозрачные глаза на Асю. – Личное и работа не должны перемешиваться, но это игра, и, как любой игрок, я считаю, что должна дойти до финала. Даже если мне придется переступить через коллег, – она отвела взгляд в сторону. – Я всю жизнь к чему-то иду, кому-то что-то доказываю, только вот в этот раз я хочу доказать себе, что могу, так что извиняй, – и она улыбнулась.

– Да, ты серьезно настроена, – улыбнулась в ответ Ася. – Прямо не хочется стоять у тебя на пути.

Ася понимала, что эта молодая неврастеничка плохо кончит, если так серьезно будет относиться к своему повышению. Но также Ася осознавала, что если уж играть, то ста-

вить только на себя. Главное сейчас было оставаться милой, хорошей и спокойной и ходить через ход, не привлекая внимания.

Телевидение никого не жалеет. Это как гонка за чем-то очень важным. Только вот что важного в 48 минутах эфира с перерывами на три рекламы? Что важного в том, что на экране мелькают богом забытые артисты или никому не известные люди из сел и деревень, у которых в семье произошло несчастье?

Всю жизнь люди играют в игры, что-то придумывают, хотят красивых историй как в кино, но на телевидении все по-другому. Телевизионщики сами придумывают сказку для других, в итоге оставаясь ни с чем. Нет, безусловно, есть за что бороться – за людей.

Многие считают, что слово «успешный» – синоним слова «счастливый». Что у таких людей есть власть, деньги, а следовательно, возможность покупать все, что они хотят, быть там, где они хотят. В общем, можно согласиться с тем, что «хорошо там, где нас нет». Порой кажется, лучше бы и не было, но ты есть и уже никуда не можешь деться от себя.

Кому-то это приносит бесконечную радость, кого-то накрывает с головой, а кто-то просто терпит. Терпит свою успешность, тупо уставившись вдаль, как Форрест Гамп сидевший на той старой лавке. А за успех приходится расплачиваться. Всегда. Кто-то платит здоровьем, кто-то нервами,

кто-то отношениями, а кто-то всем комплектом конструктора «Лего», который никак не складывается в Останкинскую башню, выстроенную внутри каждого телевизионщика.

Быть телевизионщиком – значит быть частью «военного объекта», стать боевой единицей, которая не спит, не ест, не отдыхает, и жизнь этой боевой единицы проходит внутри огромного технического центра. И вот ты пьешь только кофе из автомата или в кафе ASAP, ешь только булочки или наспех с утра приготовленный и закинутый в сумку бутерброд. Не факт, что бутерброд доживет до вечера или хотя бы до обеда, он может, конечно, остаться и до ночи, но уже к этому времени захочет сам пропасть в этой бесконечной сумке, где хранится вся жизнь.

Люди становятся телевизионщиками где-то на шестой месяц работы на телевидении, если не сбегут. Тут важно понять, где грань между еще человеком и уже телевизионщиком. Это как граница между добром и злом. Ведь злые – это бывшие добрые. Все реальные истории, которые ты раньше пропускал через себя, спустя полгода начинаешь воспринимать как сказку на ночь, а друзья при каждой встрече, которые теперь случаются не часто, просят рассказать очередную страшилку. Сначала это забавляет, а потом привыкаешь. Это как любой специалист, который, только устроившись на работу, добросовестно сидит до полуночи в кабинете, высчитывает цифры, складывает их, доводит до точных итогов. Потом привыкает, уже не сидит на работе допоздна, а через

несколько месяцев или лет, кому сколько требуется для опыта, вообще перестает задерживаться и без труда сводит дебет-кредит. Вот так и телевизионщики в режиме нон-стоп вживаются в свои сюжеты, программы, фильмы и перестают чувствовать, для них это очередная история с очередными героями.

Телевизионщики видят мир через объективы камер или режиссерские мониторы, но сами не смотрят телевизор, только мельком на плазмах, которые висят по всему телецентру.

Первое время ты думаешь, что работаешь на себя, для себя. Потом начинаешь понимать, что работаешь на руководство. А потом тебе как будто глаза открывают, и ты осознаешь, что все это время работал на рейтинг. Нет рейтинга – нет программы, нет программы – нет тебя. Ты заменяемый, таких, как ты, миллионы, ты – расходный материал. И все эти «расходные» хотят работать на рейтинги, и в любой момент тебя могут выкинуть из твоего ток-шоу, а ток-шоу будет жить без тебя. Все настолько легко и просто, что ты начинаешь думать, что это самое главное в твоей жизни и в жизни других людей тоже.

Но программы строятся не только на злом криминале, семейных драмах, сиськах и «постройте вашу любовь», но и на звездах. Звезды всегда дают небольшой рейтинг, но все равно нужно работать со звездами, которые думают, что вокруг них крутится мир. Не крутится! Крутится вокруг

тех, кто чего-то на самом деле добился, такие люди обычно никуда не ходят, кроме концертов, репетиций в театрах и съемок на киноплощадках. Вот таких звезд телевизионщики не любят, но – уважают!

Есть еще один контингент звезд. Они обычно служат массовкой. Если ты умеешь красиво плакать, кричать и ругаться матом, все – ты мечта любого редактора.

– Алло, Иван Иванович, вы так громко кричали на прошлой программе, что руководство просто умоляло пригласить вас на обсуждение этой острой темы! Вы нам необходимы! Как у вас со временем в четверг в 17.00? Свободны? За вами отправить машинку?

И неважно, что Иван Иванович является никем и зовут его никак, но без него не будет программы, ведь он же делает рейтинги, а от рейтингов отталкивается рекламодатель, который платит деньги, которые потом получает руководство, которое платит зарплату редакторам, и так по кругу.

Ася проводила глазами уходящую в офис Марго и задумалась о том, что она вообще делает в телецентре. «Пью кофе», – ответила она на свой же вопрос. А потом посмотрела по сторонам на таких же, как она, работников телевидения и улыбнулась.

«С девятого класса я хотела быть журналистом. С первого курса журфака хотела устроиться на федеральный канал. И только после семи лет работы на телевидении я захотела в декрет. Не всегда то, что делается, – к лучшему».

Андрей вышел на крытый пластиком балкон. На небольшой детской площадке красовались кучки кленовых листьев. Промчалась собака, и листья разлетелись в стороны. Дворник засуетился и что-то крикнул на незнакомом языке. Хозяйка бежала за ней, пытаясь схватить за поводок, но не успевала. Собака носилась по двору и звонко лаяла, прыгая через листья. Андрей невольно улыбнулся.

– Смешная, – произнес он, вспоминая покойного Криса, которого они нашли с Мариной на мусорке, еще когда жили в Брянске, а потом он переехал с ними в Москву, кочевал по всем съемным квартирам и в итоге обрел свое почетное и законное у кровати хозяев.

Когда не стало Марины, Крис ужасно тосковал, не мог найти себе места ни у кровати, ни на ней. Иногда скулил, чем очень злил такого же скулящего по ночам Андрея. Потом одиночество прижилось в квартире 130, и наступила тишина.

Позже Крис заболел, сначала плохо спал, потом перестал ходить, а потом просто взял и не проснулся. Врачи сказали – возраст. Андрей знал – тоска. Он прожил чуть больше пяти лет после смерти Марины и ни разу больше не пробежался по листьям, как этот пес за окном. Иногда Андрей думал: «Вот и мне бы так». Но вспоминал, что говорил ему психолог в наркологической клинике, где он лечился, и приходил в себя. Последние три года врачи твердили о вреде алко-

ля, говорили что-то о смертельной опасности для организма, но это не пугало Андрея, скорее забавляло.

Иногда он не понимал, действительно ли он любил свою покойную жену или любил свое состояние после ее смерти. Может, ему просто нравилось страдать, потому что помогало творить, не играть страдания, а по-настоящему чувствовать их на сцене. Он боялся думать об этом.

Андрей вошел обратно в спальню и потянулся, разминая кости спины. Нагнулся, коснувшись кончиками пальцев пола. Прошел по квартире, провел пальцем по пыльному столу на кухне. Сел на любимое место у подоконника и включил экран телефона. На экране светился значок сообщения: «У меня твои часы остались. Забери».

Он вспомнил, что на прошлых выходных забыл часы у молодой актрисы Кати Ждановой, с которой познакомился на съемках рекламы. Катя два года назад была замечена одним известным бородатым продюсером и уже через месяц стояла на красной дорожке «Кинотавра». Никто ей не давал «Восходящего солнца», но роль в российском псевдо-артхаусе она получила. И вот уже через полгода ее стали все чаще и чаще показывать по телевизору, а потом уже и узнавать на улице.

Рекламировали они мобильный телефон. Андрей не понимал, почему именно на нее пал выбор продюсера проекта. Пробовал поспорить убрать «девочку без лица» – так он называл тех, кто не умел справляться с эмоциями. Не удалось.

А уже через неделю она позвонила сама и предложила встретиться. Встреча была одна и скорее бесполезная, чем удовлетворяющая. И то, что он забыл у нее часы, его разозлило.

«Заеду на днях», – отправил он ответное сообщение.

Покрутил телефон в руке и, вспомнив, что обещал, тут же сбросил Асе данные паспорта, а через какое-то время позвонил ей.

– Ася, кинул вам паспорт.

– Да, отправляю логистам. Заказывают.

– Ну и отлично. Я буду жить у мамы, можете не заказывать мне отель. На съемки у нас будет дня три, потом приедем в Москву, и можно сделать пару выездов. В общем-то и все. Мои условия я написал вам: я не говорю о жене, могу рассказать об отце.

– Не согласна! – Асю злило желание Андрея быть главным в съемках. Он не режиссер, не сценарист, не автор! – Мне не нравится, что вы ставите условия! Позвольте... – успокоилась она, выдохнув, – быть автором. Просто доверьтесь мне.

– А вам можно доверять? – он сделал громче радиоприемник на подоконнике – играл джаз. – Моя репутация...

– А моя репутация? – перебила его Ася. – Просто будьте собой, и тогда мы с вами подружимся.

Ей ужасно хотелось спать, просто вытянуть ноги на своей постели, а не начинать в очередной раз гонять по кругу бесконечные разговоры про «а что, если...». Ася знала, что все будет так, как хочет она, ей разрешил «бомбить» продюсер,

а все, что говорит продюсер, не подвергается обсуждению каких-то артистов, пусть и народных.

– Посмотрим, – ответил он, понимая, что все будет идти по его правилам. Ведь журналистов может быть сколько угодно, а артист – один. Его не размножить.

– Билеты пришлю. Будем выезжать в ночь, кажется, есть такой.

– Да, в ноль-ноль.

Девушка положила трубку и прошептала: «Спать, спать, спать». Но тут же позвонила логисту:

– Настя, кинь билеты на почту, как будут. Только, будь другом, набери меня, а то я усну.

– Кто режиссер?

– Хочу режа Степу Троцкого, оператора Крапивянского.

– Они же у тебя сопьются, Ась! – взмолилась Настя.

– Они у меня не пьют. Когда они плохо себя ведут – им больно.

– Не сомневаюсь, – Настя захохотала в трубку. – Давай я сейчас заявки от «Еды» оформлю и займусь твоей. Гостиница артисту нужна?

– Он с мамой будет жить.

– А может, мы сэкономим и ты тоже с его мамой будешь жить? – улыбнулась Настя. – Я бы хотела пожить с Ковальчуком.

– Соловей, если я останусь живой, то привезу тебе его потную рубашку, будешь нюхать.

– Мерзкая Одинцова! – крикнула Настя. – Давай, солнце, пришло, как закажу. Можно я Троцкого и Крапивянского вместе поселю в номере?

– Ни в коем случае! Они же сопьются, и я не смогу сделать им больно!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.